

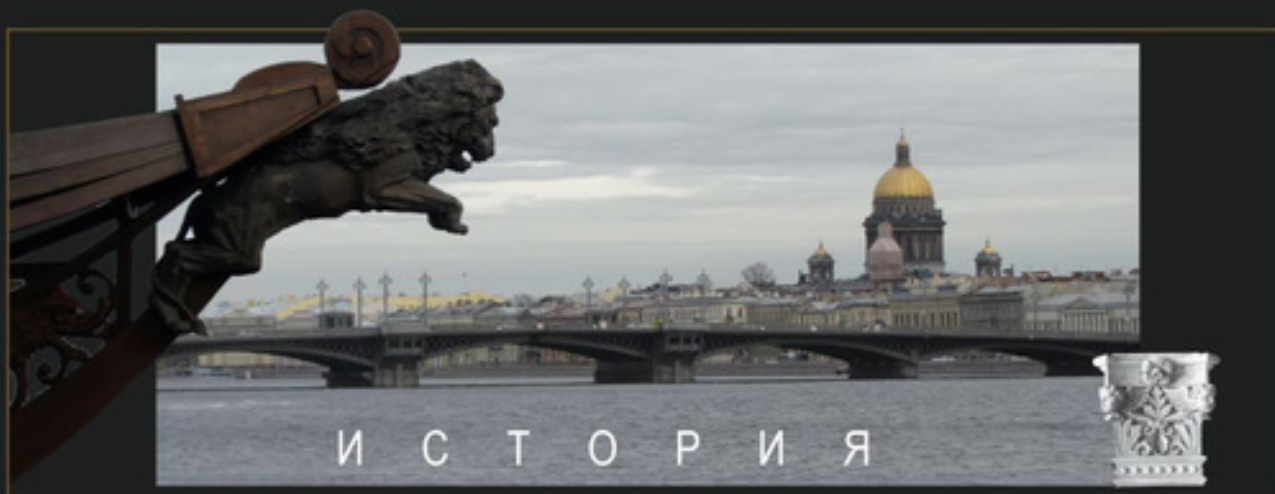
А Л Е К С А Н Д Р

М А Р Г О Л И С

П Е Т Е Р Ъ У Р Г

избранные ОЧЕРКИ

И С Т О Р И Я

С О В Р Е М Е Н Н О С Т Ь

Всё о Санкт-Петербурге

Александр Марголис

**Петербург. История и
современность. Избранные очерки**

«Центрполиграф»

2014

Марголис А. Д.

Петербург. История и современность. Избранные очерки /
А. Д. Марголис — «Центрполиграф», 2014 — (Всё о Санкт-Петербурге)

Книга составлена из очерков авторитетного петербурговеда А. Д. Марголиса. Он выбрал их для публикации под одной обложкой из множества своих работ культурологического и краеведческого характера, выполненных в разное время, но посвященных одному – любимому городу. Разнообразны затронутые в них темы: от «философических» рассуждений о Петербурге как объекте всемирного культурного наследия до горьких размышлений о местах захоронений жертв красного террора; от рассказа о дворцах и особняках Романовых до описаний петербургских тюрем; от рассказа о петербурговедах до истории самиздатовского журнала эпохи перестройки.

© Марголис А. Д., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

От автора	8
Петербург как город Всемирного наследия	10
Литература	17
Венеция и Петербург на исходе XX столетия	18
Феномен «коренного» петербуржца: мифы и реальность	24
Петр Великий – первый архитектор Петербурга	32
«Единица Петербурга – площадь»	36
Литература	43
Петербургские дворцы и особняки Романовых	44
Приложение	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Марголис

Петербург: история и современность. Избранные очерки

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

Автор идеи Дмитрий Шипетин Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Марголис А. Д., 2014

© ООО «РТ-СПб», 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

От автора

В книгу вошли избранные очерки, написанные за последнюю четверть века, частично переработанные или дополненные специально для этого издания. Их тематическая и жанровая мозаичность отражает разнообразие моих интересов и занятий в последние годы. Но так или иначе все они связаны с Петербургом, его историей и современностью.

Первая группа очерков («Санкт-Петербург как город Всемирного культурного наследия», «Венеция и Петербург на исходе XX века», «Феномен коренного петербуржца: мифы и реальность», «Единица Петербурга – площадь», «Петр Великий – первый архитектор Петербурга») посвящена тому, что принято называть «феноменом Петербурга». В их основе – доклады, сделанные автором на международных конференциях и семинарах в России и за рубежом, где обсуждались особенности Петербурга как города Всемирного культурного наследия.

Вторая группа («Петербургские дворцы и особняки Романовых», «Английская набережная, 10», «Грибоедов и декабристы в доме Вальха у Харламова моста», «Памятник П. И. Багратиону на Семеновском плацу») представляет собой рассказы о конкретных памятниках и памятных местах нашего города.

Самостоятельную тематическую группу составляют очерки, посвященные тюрьмам и некрополям террора в Петербурге и его окрестностях («Петербургские тюрьмы», «Записные книжки зрителя тюрьмы Трубецкого бастиона», «Некрополь красного террора в Петропавловской крепости», «Левашовская пустошь и Ковалевский лес»). Они продолжают и дополняют мою книгу «Тюрьма и ссылка в императорской России», которая вышла в свет в 1995 году.

В центре моего внимания в последние годы находятся вопросы истории петербурговедения и вековой борьбы за сохранение культурного наследия. Из всего опубликованного на

эту тему в книгу отобраны очерки «Петербурговеды от Андрея Богданова до наших дней», «Музей Старого Петербурга», «Из истории Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины», «„Экология культуры“ Д. С. Лихачева». Сюда примыкает заметка о городском самиздатском журнале «Меркурий», написанная в период работы над сборником «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки» (СПб., 2009). В ней идет речь о том, что возросшая во второй половине 1980-х годов общественная активность горожан проявилась, в первую очередь, в деле спасения от разрушения старых домов, хранящих память о замечательных людях и просто составляющих необходимый элемент архитектурной среды в историческом центре города.

Заключительный раздел книги составляют работы о петербургских адресах классиков отечественного градостроительства Ивана Михайловича Гревса и его ученика Николая Павловича Анциферова, а также крупнейшего социолога XX века Питирима Александровича Сорокина.

Январь 2014 года

Петербург как город Всемирного наследия

Название «город-памятник» сопровождает Петербург уже на протяжении десятилетий. Определение это настолько прочно вошло в обиход, что стало практически неотделимым от образа города. В том числе и для самих петербуржцев. А потому все, что связано с культурным наследием Петербурга, вызывало и вызывает живой интерес, порождая множество бурных дискуссий. При этом далеко не всегда участники этих дискуссий хорошо представляют себе реальную картину нынешнего состояния Наследия, историю сложной борьбы за его сохранение.

В 1990 году исторический центр города на Неве вместе с дворцово-парковыми ансамблями пригородов и некоторыми другими памятниками был внесен в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО как единственное в своем роде и совершенное воплощение на обширном пространстве европейской идеи регулярного города, гармонизированного с природным ландшафтом.

«Петербургская стратегия сохранения культурного наследия», принятая городским правительством в ноябре 2005 года, констатирует: «Высокая степень сохранности и подлинности исторических территорий послужила основанием для включения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО исторического центра Санкт-Петербурга вместе с группами памятников пригородов». Действительно, общепризнанно, что среди исторических городов Петербург – уникальный по масштабу памятник, сохранивший в основных чертах грандиозный исторический центр и ожерелье пригородных ансамблей. В городе Всемирного наследия под охраной государства состоят почти 7800 объектов. Это здания и инженерные сооружения, сады и парки, пруды и каналы, монументальная и садово-парковая скульптура, исторические захоронения и археологические объекты. Образ Петербурга формируют не только отдельные шедевры зод-

чества, но и целостная архитектурно-пространственная среда. Именно это выделяет город на фоне других мегаполисов мира, во многом определяя его самобытность и привлекательность.

Рождение новой столицы огромной страны явилось эпохальным событием. Оно знаменовало временной рубеж между древнерусским средневековым и «петербургским» периодами истории России. Город, основанный Петром Великим в 1703 году у восточных ворот Балтики, сыграл решающую роль в модернизации страны, в преобразении ее в великую мировую державу.

В отличие от древних городов, Петербург не складывался стихийно в течение веков, а был построен за поразительно короткое время. В основу его рационального плана легли идеи Петра Великого. Северная столица на берегах Невы создавалась как эталон европейского города, но с истинно русским размахом. В его строительстве участвовали вся страна и почти вся Европа. Сюда приезжали из-за рубежа архитекторы, художники и ученые, ремесленники, торговцы и моряки. Петербург стремительно осваивал и претворял глубинные традиции и современный опыт западной культуры и градостроительства. Так складывался удивительный урбанистический и социокультурный феномен: русский европейский город со своими неповторимо самобытными обликом, характером и аурой.

Важная отличительная черта российской истории – постоянное переселение, колонизация и освоение новых территорий. Для восточных славян, а позднее великороссов, изначально было привычным селиться и жить рядом с иными племенами и народами, в основном мирно соседствуя с ними. Это сформировало одну из черт русского национального характера – терпимость и уважение к чужому, умение понять, проникнуть в инородное, взять оттуда необходимое для себя и при этом сохранить самобытное; обогатившись иным, остаться самими собой. «Подвижность русской природы позволяет им легко подражать любому стилю поведения, – писала в начале XIX столетия Анна Луиза Жермена де Сталь. – В зависимости от обстоятельств они напоминают своими манерами то англичан, то французов, то немцев, но при этом всегда остаются русскими». Благодаря этой «всемирной отзывчивости» (Федор Достоевский) и смогла возникнуть обширная и многонациональная Россия, высшим воплощением которой явился Санкт-Петербург. Он не стал Вавилонской башней или случайным конгломератом культур, а обрел единство и цельность, сделав своих жителей петербуржцами независимо от их национальности, преобразовав европейские стили барокко и неоклассицизм в «русское барокко» и «русский классицизм». В культурную ткань Петербурга органично вошли палладианские постройки Джакомо Кваренги и Чарльза Камерона, египетские сфинксы и маньчжурские Ши-Цзы, она включает сокровища Эрмитажа и этнографические коллекции Кунсткамеры, собранные со всего света.

Для понимания «души Петербурга» очень важны два природных фактора. Это самый северный из крупнейших городов мира. Он расположен на 60-й параллели, которая проходит через Гренландию и Аляску на границе Заполярья. Отсветы полярного дня творят чудо природы, которое является ярчайшей достопримечательностью Северной Венеции – белые ночи. Еще одно петербургское чудо – река Нева. Если справедливо утверждение, что Волга – главная улица России, то Нева – главная улица Петербурга. Полноводная, мощная река сравнительно коротка: всего 74 километра отделяют исток из Ладожского озера от устья при впадении в Финский залив, но 32 из них Нева несет свои воды по территории города, образуя в дельте множество рукавов и протоков, островов и островков. Именно Нева определяет основу планировки Северной столицы. В удивительной гармонии архитектуры и водных пространств заключена главная особенность и притягательность исторического центра Петербурга.

Красавица Нева обладает капризным нравом, принесшим жителям немало бедствий. Главную опасность для города, расположенного на низких плоских берегах невской дельты, представляют частые наводнения. Петербург формировался в борьбе с враждебной стихией, в преодолении неблагоприятных природных условий. Но динамичный процесс урбанизации

вскоре преобразил естественный ландшафт. Архитектурная среда гармонично включила в себя подчиненную природу. Каналы и гранитные набережные, сады с прудами и фонтанами эстетизировали прежде унылый пейзаж равнинных берегов.

Эти преобразования распространились не только на территорию самого Петербурга. С самого начала он служил центром единой грандиозной агломерации. Она включила в себя парадные загородные резиденции (Петергоф, Стрельна, Ораниенбаум, Царское Село, Павловск, Гатчина), усадьбы и дачи, деревни, поселки и малые города. Она охватывала оба берега Финского залива и город-крепость Кронштадт на острове Котлин, поднималась вверх по Неве к ее истоку.

Этот город – воплощенная утопия. Он неразрывно связан с петровскими реформами и личностью царя-преобразователя. Вся противоречивость их оценок переносится на Санкт-Петербург. Он и центр зла и преступлений, символ народных страданий, насилия, всепоглощающей властной воли, и одновременно – торжество разума, гения Петра, открывшего новые горизонты российской истории, символ особой красоты рационального устройства жизни, идеальный город, город-идея и город-миф.

Петербург любили и ненавидели, но равнодушными не оставались. Подчеркнутый европеизм невиской столицы воспринимался русскими людьми неоднозначно. К восхищению невиданным прежде на Руси городом примешивалось чувство его искусственности и чужеродности, оторванности от родных корней. Порой это переходило в откровенное неприятие столицы, возникшей на топких финских болотах и, казалось, готовой погрузиться в пучину, исчезнуть, как мираж. Однако даже этот негативный аспект петербургского мифа был плодотворно претворен в литературе и изобразительном искусстве. Блестящий толкователь «петербургского текста» Юрий Лотман писал: «Этот город создан вопреки Природе и находится в борьбе с нею, что дает двойную возможность его интерпретации: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка – с другой».

На гербе Санкт-Петербурга два скрещенных якоря лапами вверх. Эта композиция выглядит аллюзией на герб Ватикана, на котором изображены бородами вверх ключи от рая, хранителем которых является апостол Петр. В обоих случаях изображены ключи. Только одни – от Царства Небесного, другие – от «парадиза» земного. Санкт-Петербург как морской и речной порт России давал ключи к европейской цивилизации – петровскому представлению о «парадизе». И именно в этом городе начинались все российские революции – утопические попытки установления Царства Небесного на земле.

Город Петра Великого, «революционера на троне» (А. И. Герцен), был свидетелем и участником величественных и трагических событий: революции 1917 года, которая потрясла мир, героической стойкости жителей и воинов в кольце вражеской блокады 1941–1944 гг. Город по праву гордится тем, что никогда не был под пятой иноземных завоевателей.

Петербург служил мостом, связавшим Россию с европейским культурным пространством. Здесь в XVIII столетии возникли Академия наук, Университет, Академия художеств, Театральная (Танцевальная) школа, первые в России музеи – Кунсткамера и Эрмитаж. Это предопределило превращение новой столицы в крупнейший научный и культурный центр страны, связанный с именами великих ученых, архитекторов, художников, писателей, музыкантов, театральных деятелей. Пройдя через беспримерные испытания XX века, город остается символом и основой русской культуры нового времени.

Образ Петербурга – города социальных бурь, великой литературы и великой музыки – ассоциируется прежде всего с его архитектурой. Исторический центр Северной столицы покоряет монументальным величием и строгим благородством, многоплановостью панорам и эффектным построением перспектив, неразрывным союзом воды и камня. Разные градостроительные периоды и художественные стили наделили его разнообразием и многоликостью. Но при этом общий строй городского ядра монолитно целостен. Главная, высшая его цен-

ность заключается в ансамблевом единстве архитектурной среды. «Петербург, если красив, то именно в целом или, вернее, огромными кусками, большими ансамблями, широкими панорамами, выдержанными в известном типе – чопорном, но прекрасном и величественном» (А. Н. Бенуа).

Величавый простор Невы и дальние речные панорамы задали укрупненный масштаб площадям и улицам Петербурга. Город поражал необъятностью открытого пространства. Обширные площади обычно разомкнуты, раскрыты вовне. Уходящие в глубину перспективы прямых проспектов и улиц включают в себя вертикальные акценты, которые связывают, как узлы, пространство города. Неожиданный контраст строгой регулярности и монументальному размаху центральных ансамблей составляют малые реки с их живописно изогнутыми берегами и камерными уголками, полными поэтического очарования. Важными элементами в общую картину города входят скульптуры и монументы, узоры металлических оград, многочисленные и разнообразные мосты, связывающие воедино острова невской дельты. В значительной степени именно мосты и гранитные набережные рек и каналов делают уникальными архитектурные ландшафты Северной Венеции.

Плотная застройка исторических районов ограничена двумя плоскостями: вертикальной, образующей сплошной фронт фасадов, и горизонтальной, очерченной предельной линией высоты. До начала XX века в столице не разрешалось строить дома выше императорского Зимнего дворца (23,5 м). Это еще больше сплотило монолитность рядовой застройки, выявило ее ровную протяженность, оттеняющую силу звучания высотных доминант.

Основные принципы застройки города были намечены в первые полвека его существования. В середине XVIII века созданы наиболее значимые образцы архитектуры барокко – Зимний дворец и Смольный собор. В царствование Екатерины Великой Петербург превратился в величественный столичный город в стиле классицизма. Для Петербурга первой трети XIX века характерен монументальный масштаб парадных ансамблей. В этот период были созданы шедевры ампира – Казанский собор, Адмиралтейство, Биржа, Главный штаб, Михайловский дворец. Формирование ансамбля центральных площадей завершилось к середине XIX века строительством грандиозного Исаакиевского собора. Вторая половина XIX – начало XX века – время необыкновенно интенсивных строительных работ. Сооружались постоянные мосты через Неву, железнодорожные вокзалы, заводы и фабрики, банки, универмаги, театры, церкви, целые кварталы доходных домов.

Подавляющее большинство домов в историческом центре города построено из кирпича и покрыто штукатуркой. Применение этих материалов позволяло легко перестраивать и перелицевывать фасады соответственно менявшимся вкусам. Поэтому старые петербургские дома состоят зачастую из нескольких разновременных «слоев». Такая многослойность чрезвычайно типична для Петербурга. Она, наверное, лишает петербургскую архитектуру ореола первозданности, но зато вбирает в себя и запечатлевает все зигзаги истории.

Бурный рост города был прерван Первой мировой войной и Октябрьской революцией. В 1918 году большевики перенесли столицу в Москву. Новое строительство в центре Ленинграда резко сократилось, благодаря чему в уникальной целостности сохранился архитектурный облик столичного города XVIII – начала XX века.

Петербург – один из тех городов мира, которые оказывают на своих обитателей исключительно сильное воздействие. Рельеф местности, особенности регулярной планировки и классической архитектуры, климат, мощный пласт культурного наследия, традиционная роль проводника европейской культуры в России – все это в совокупности образует неповторимую среду обитания. Мощное моделирующее воздействие городского пространства исторического центра Петербурга признается всеми, этот город отпечатывается в каждом, кто входит в его пределы, диктуя стиль поведения, проникая в мысли и чувства.

Напомним вкратце историю включения города на Неве в Список Всемирного наследия. Международная «Конвенция о сохранении Всемирного культурного и природного наследия» принята ЮНЕСКО в 1972 году. К началу XXI века ее ратифицировали около 190 государств мира. При этом 160 стран внесли свои уникальные достояния природы и культуры в Список Всемирного наследия, где сегодня содержится около тысячи таких объектов.

Советский Союз ратифицировал Конвенцию только в 1988 году, а в начале следующего года направил в ЮНЕСКО перечень первых трех объектов для внесения в Список Всемирного культурного наследия. К таким объектам были отнесены исторический центр Ленинграда, Московский Кремль и Красная площадь, а также Кижский погост в Карелии. Присоединившись к Конвенции, наша страна взяла на себя обязательство «сохранять свою часть Наследия человечества и обеспечить ее передачу будущим поколениям».

В декабре 1990 года на 14-й сессии Комитета Всемирного Наследия ЮНЕСКО заявка была утверждена. В Списке Всемирного культурного наследия под № 540 появилась запись: «Исторический центр Ленинграда и связанные с ним группы памятников» («Historic Centre of Leningrad and related groups of monuments»). Согласно заявочному листу, представленному Советским Союзом в ЮНЕСКО, эта номинация включала 36 основных позиций. Первая из них – исторический центр города, в том числе «системы ансамблей главного городского пространства; Невского проспекта; Литейной части; Васильевского острова; Петроградской стороны; Островов». В ряду памятников, связанных с центром Петербурга, были названы: историческая часть Кронштадта и Кронштадтская крепость с фортами в Финском заливе; дворцово-парковые ансамбли Пушкина, Павловска, Стрельны, Петродворца, Ломоносова и многое другое. Кроме того, в заявку были включены объекты, находящиеся на территории Ленинградской области, в 1990-х годах ставшей самостоятельным субъектом Российской Федерации. Это дворцово-парковые ансамбли в Гатчине, Ропше, Гостилицах, Тайцах, Шлиссельбургская крепость и так далее. Всего в утвержденной заявке 1990 года упомянуто около 150 ансамблей и комплексов.

Список Всемирного наследия предполагает создание специальной системы управления включенными в него объектами, разработку планов их особой охраны. Так, странами Северной Европы создан в Осло специальный Офис Северного Всемирного наследия. В Литве после включения Старого Вильнюса в Список было образовано Агентство по его управлению. К сожалению, ничего подобного нет в Петербурге, единственном мегаполисе планеты, обширный исторический центр которого объявлен всемирным достоянием.

Очевидно, что Петербургу, который мучительно пытается совместить динамичное урбанистическое развитие с охраной культурного наследия, необходимо воспользоваться международным опытом. Ведь аналогичные проблемы решаются во многих странах. В 1978 году Краков оказался первым европейским городом, исторический центр которого внесли в Список Всемирного наследия. Важно подчеркнуть, что именно исторический центр в целом, а не отдельные памятники и ансамбли. Вслед за древней столицей Польши в Список включили исторические центры Дубровника (1979 г.), Рима, Варшавы и Валетты (1980 г.), Флоренции (1982 г.), Люксембурга и Берна (1983 г.), Кордовы (1984 г.), Толедо (1986 г.), Венеции, Любека и Бата (1987 г.).

Уже после Ленинграда Список пополнился историческими центрами Праги (1992 г.), Вильнюса (1994 г.), Неаполя, Эдинбурга, Авиньона и Сиены (1995 г.), Порту и Зальцбурга (1996 г.), Риги и Таллина (1997 г.), Страсбурга и Лиона (1998 г.), Львова и Граца (1999 г.), Вероны и Брюгге (2000 г.), Вены (2001 г.), Ливерпуля (2004 г.), Гавра (2005 г.) и т. д. Это далеко не полный перечень только европейских городов Всемирного наследия. Естественно, опыт хорватского Дубровника или мальтийской Валетты не очень актуален для северного мегаполиса Петербурга. Но он может использовать теорию и практику зонной охраны исторических центров крупных, интенсивно развивающихся европейских столиц – Рима, Вены, Праги.

Существует Организация городов Всемирного наследия (OWHC), созданная в 1993 году специально для оказания помощи в разработке и развитии методов управления городами, внесенными в Список. В Париже работает Центр Всемирного наследия (UNESCO World Heritage Centre), который тоже консультирует страны-участницы, организует международную помощь и координирует действия при получении сообщений об угрозе объектам Всемирного наследия. Только в самое последнее время власти Петербурга установили контакты с парижским Центром.

В 2002 году принят Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В этом законе появилось упоминание о Списке Всемирного Наследия и охранных зонах. Объект, включенный в Список ЮНЕСКО, «признается особо ценным объектом культурного наследия народов Российской Федерации в первоочередном порядке» (ст. 24.2). Таким образом, согласно букве и духу закона, исторический центр Петербурга, включенный в Список наряду со «связанными с ним группами памятников», попадает в высшую категорию зон охраны. Согласно Федеральному закону, «Охранный зона – территория, в пределах которой в целях обеспечения сохранности культурного наследия в его историческом ландшафтном окружении устанавливается особый режим использования земель, ограничивающий хозяйственную деятельность и запрещающий строительство, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение и регенерацию историко-градостроительной или природной среды объекта культурного наследия» (ст. 34.2). Разумеется, такой закон не мог понравиться строительным корпорациям и тем, кто представляет их интересы в различных органах власти.

В России, по мнению историка Н. М. Карамзина, строгость законов всегда компенсировалась необязательностью их исполнения. К сожалению, в нашем Отечестве ничего не изменилось в этом плане со времен Карамзина. Закон 2002 года не остановил варварское вторжение застройщиков в исторический центр Петербурга. Регулярно сносится рядовая застройка в охранный зоне. За последние годы город потерял исторические дома на Невском, Литейном, Вознесенском проспектах, на набережных Мойки, Фонтанки, Крюкова канала и Грибоедова, на Большой Морской, Кирочной и других центральных улицах.

Множатся искажения памятников архитектуры современными перестройками, десятки домов в историческом центре надстроены уродливыми мансардами, радикально изменившими культурный ландшафт Северной столицы. Под давлением алчных застройщиков городские власти исключили из Охранной зоны значительную часть Невского проспекта, половину набережных Фонтанки, большую часть Петроградской стороны и Крестовский остров. Архитектор Б. В. Николащенко, один из авторов заявки на включение Северной Венеции в Список Всемирного наследия, утверждает: «Если существующая практика укоренится, то Петербург станет городом-палимпсестом. Палимпсест – это пергамент, с которого стерли старый текст ради того, чтобы написать новый. С городом это происходит потому, что земля всегда дороже недвижимости...».

Новые угрозы, порожденные возрождением рыночной экономики в России, в сочетании с застарелыми болезнями (по официальным данным, сегодня в Петербурге в «активной фазе разрушения» более 1300 памятников истории и культуры, находящихся под охраной государства) активизировали общественное движение в защиту архитектурного наследия Петербурга. Среди лидеров этого движения в последние годы выделяются городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), общественные группы «Живой город», «Экология рядовой архитектуры» (ЭРА), «Синяя лента», «Охтинская дуга», «Зеленая волна», «Башне – нет!», Центр экспертиз ЭКОМ, Гражданская коалиция в защиту Петербурга, Всемирный клуб петербуржцев. Основные направления этих независимых градозащитных организаций: выявление и изучение объектов культурного наследия Петербурга, содействие их постановке на государственную охрану; общественный мониторинг состояния

и современного использования памятников; придание гласности фактов нарушения законодательства об охране наследия; организация независимых экспертиз; подготовка правовых, организационных и иных предложений, способствующих сохранению наследия.

Жизнь Петербурга начала XXI века отмечена нескончаемыми протестами горожан против уничтожения исторической застройки и зеленых насаждений общего пользования: митинги и пикеты регулярно будоражат общественное мнение (с 2007 г. ежегодно проводились не менее двадцати публичных акций, в том числе «Марши за сохранение Петербурга»), городская пресса чуть ли не ежедневно пишет о снесенных домах, телевизионные новости из Петербурга напоминают подчас сводки с полей сражений. История противостояния петербургской общественности и городских властей, связанная с планами строительства 400-метровой башни Газпром-сити (Охта-сити) напротив Смольного собора, – одна из наиболее ярких страниц общественной жизни Петербурга последнего десятилетия.

Сегодня в городе идет острая дискуссия об оптимальных границах Объекта Всемирного Наследия и буферных зон. Первые шаги в деле юридически полноценной идентификации Петербурга в Списке ЮНЕСКО, прежде всего – установление границ «исторического центра» и введение этого понятия в нормативную базу, делаются только сейчас. Иными словами, мы все еще остаемся в неведении о том, за что же несем ответственность перед мировым сообществом.

Но главная проблема видится не в границах охраняемого Объекта Всемирного наследия, а в том, что происходит внутри этих границ, насколько последовательно исполняются принятые законы, стратегические планы, регламенты, охранные режимы и другие «правила игры». Насколько вообще действуют в «самом европейском городе России» четкие, обязательные для всех правила. От наличия таких правил, а главное, от их неукоснительного и повсеместного соблюдения зависит, что из доставшегося нам уникального наследия мы сумеем передать потомкам.

Литература

Всемирное культурное и природное наследие в образовании / Под общ. ред. В. П. Соломина. СПб., 2001.

Горбатенко С. Б. Всемирное наследие – исторический ландшафт Санкт-Петербургской агломерации. СПб., 2011.

Горбатенко С. Б. Пространство императорского Петербурга: «священная пустота» или территориальный ресурс? // Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда. СПб., 2003. С. 188–192.

Заворотный В. И. Спасти Петербург. СПб., 2011.

Кириков Б. М. 100 памятников архитектуры Санкт-Петербурга. СПб., 2000.

Лисовский В. Г. Архитектура Петербурга. Три века истории. СПб., 2004.

Марголис А. Д. Наследие и наследники // Петербург. Место и время. 2005. № 1. С. 44–48.

Марголис А. Д. Санкт-Петербург: История. Архитектура. Искусство. 2-е изд. М., 2010.

Охрана памятников Санкт-Петербурга. К 90-летию Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб., 2008.

Петербургская стратегия сохранения культурного наследия. СПб., 2006.

Санкт-Петербург: Наследие под угрозой / Ред. – сост. Е. Минченко, К. Сесил. СПб.; М., 2012.

Семенцов С. В. Градостроительная охрана исторического наследия Санкт-Петербурга // Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда. СПб., 2003. С. 56–76.

Венеция и Петербург на исходе XX столетия

Санкт-Петербург имеет несколько основных псевдонимов, отраженных в политических декларациях, концепциях развития города, публицистике и художественном творчестве: «Окно в Европу», «Северная Венеция», «Новый Амстердам», «Северный Рим», «Северная Пальмира», «Колыбель революции», «Город Великого Ленина», «Культурная столица России».

Самый распространенный из них – «Окно в Европу». Его определение, как известно, принадлежит венецианцу Франческо Альгаротти (Русские путешествия. Письмо IV. 30 июня 1739 г.).¹ Сохранилось высказывание лорда Балтимора о Петербурге, которое Альгаротти, быть может, подхватил и несколько видоизменил: «Петербург – это глаз России, которым она смотрит на цивилизованные страны, и если этот глаз закрыть, Россия опять впадет в полное варварство».²

Как и три века назад, Петербург расположен на самом краю России. Он и форпост России в Европе, и форпост Европы в России, место сплавленности Европы и России, их взаимодействия.

Г. П. Федотов в 1926 году в статье «Три столицы», отвечая на вопрос «Чем же может быть теперь Петербург для России?», утверждал, что он «останется одним из легких великой страны, открытым западному ветру», ибо является преемником Великого Новгорода – и в военном,

¹ *Algarotti F. Viaggi di Russia / A cura di William Spaggiari. Parma, 1991.*

² Цит. по: *Альгаротти Ф. Русские путешествия / Перевод с итальянского, предисловие и примечания М. Г. Талалая // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. III. СПб., 1997. С. 236.* Существенно, что Альгаротти называет Петербург «большим окном» (*gran finestrone*), из которого Россия смотрит в Европу. Комментарий М. Г. Талалая: «...finestrone означает огромное окно, обычно выходящее на балкон или в лоджию, которым, в принципе, можно воспользоваться и как проходом. Например, в Венеции, родном городе Альгаротти, finestrone называют центральное окно – дверь Дворца дождей, сквозь которое дожди выходили на балкон во время торжественных событий».

и в торговом, и в культурном отношениях. И далее: «Не может быть безболезненной встреча этих двух стихий, и в Петербурге, на водоразделе их, она ощущается особенно мучительно. Но без их слияния – в вечной борьбе – не бывать и русской культуре. И хотя вся страна призвана к этому подвигу, здесь, в Петербурге, слышнее историческая задача, здесь остается если не мозг, то нервный узел России».³ Петербургский историк Г. С. Лебедев разделяет и углубляет взгляды Федотова: «Петербург был и остается одним из главных резонаторов мировой культуры. <...> Феномен Петербурга – концентрация наивысших достижений мировой культуры для качественного их преобразования на основе национальных ресурсов России».⁴ С этим мнением не вполне согласен культуролог Г. Л. Тульчинский, полагающий, что «окном России в мир в изрядной степени стала Москва».⁵ Никакой перспективы, кроме всеобщего развала «до основания», не видит у «навсегда уходящего от нас» города писатель М. Н. Кураев. Его книга «Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург» представляет собой очередную версию пророчества царицы Авдотьи – «Петербургу быть пусту». Теперь этот знаменитый приговор звучит так: «Цивилизаторская миссия была главной идеей существования этого города. Он смотрел с высоты невских берегов на всю остальную Россию, как на свою колонию. Задуманный как питомник и рассадник европейских саженцев на русскую почву, он почвой как раз и не интересовался. Его уникальное положение у моря определило его уникальную роль. Нужен ли сегодня такой рассадник, кто будет пользоваться услугами этого питомника, когда система финансовых, информационных и транспортных связей лишает Санкт-Петербург его исключительного положения, а стало быть, и значения? Он вымирает, не признавая себе в этом, он исчерпал себя, он отмирает, как ненужный орган, но делает вид, что только-то его время и наступило, только-то и начинается его настоящая жизнь!».⁶ Мы видим, что по вопросу о том, сохраняет ли Петербург роль «окна в Европу», существовали в 1990-х годах различные, включая полярно противоположные, точки зрения.

По мнению искусствоведа Г. З. Каганова, «самый звучный и популярный» псевдоним Петербурга – Северная Пальмира. К широко известным трактовкам данной идентификации, возникшей во второй половине XVIII века, исследователь добавляет еще один важный смысл. Он полагает, что продолжатели дела Петра были увлечены идеей города, созданного одним героическим рывком, новой столицы, которая может сразу войти в историю и навсегда остаться в ней, ничем не уступая городам, вставшим в нее сотни и тысячи лет. Казалось, что если уж в губительной сирийской пустыне удалось разом построить прекрасную Пальмиру, то на Неве тем более получится. «Тут не принималось во внимание, что историческая Пальмира возникла не на пустом месте и развивалась много веков. <...> Важны были не столько достоверные факты, сколько яркий образ».⁷ Однако нельзя согласиться с мнением Каганова, когда он утверждает, будто «к 1840-м гг. обществом было отвергнуто само представление о возможности искусственной однократной имитации долгого исторического процесса»,⁸ а идеал античной Пальмиры окончательно потерял всякую актуальность. Стремление «загнать клячу истории», «сделать сказку былью», гигантским скачком преодолеть многовековую отсталость – все это с новой силой актуализировалось в XX веке. Модифицированный образ Пальмиры вновь и вновь воодушевлял строителей социализма в отдельно взятой стране.

³ Федотов Г. П. Историческая публицистика // Новый мир. 1989. № 4. С. 211–212.

⁴ Лебедев Г. С. Мета-Петербург (основания программы) // Петербургские чтения (к юбилею города): Тезисы докладов конф. СПб., 1992. С. 16.

⁵ Тульчинский Г. Л. Санкт-Петербург в поисках идентификации, или Кому он нужен – этот город // Петербургские чтения: Тезисы докладов науч. конф. 23–27 мая 1994. СПб., 1994. С. 123.

⁶ Кураев М. Н. Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург. СПб., 1996. С. 19–20.

⁷ Каганов Г. З. К вопросу об именах и псевдонимах Санкт-Петербурга // Петербургские чтения: Тезисы докладов науч. конф. 23–27 мая 1994. СПб., 1994. С. 17.

⁸ Там же.

Еще одной популярной идентификацией Петербурга остается псевдоним Северная Венеция, поддерживаемый очевидным подобием этих двух городов. Их сближают мерцающая вода каналов, иллюзорность города, зеркально отраженного в водах, свойство Венеции и Петербурга провоцировать мистические настроения, само противостояние городской тверди и водной стихии, постоянно готовой потопить Петербург и поглотить Венецию...

Г. З. Каганов рассматривает шесть смыслов этого псевдонима Петербурга.⁹ «Самый первый смысл был и самым конкретным: „Северная Венеция“ означала просто Амстердам». Именно так в XVII веке называли главный город Голландии. Венеция и Амстердам оказались как бы синонимами, вместе составляя образец, которому следовал Петр Великий. Второй смысл: город-остров среди моря. Третий смысл – не физическое подобие, а художественный образ Венеции. Изображения Петербурга в графике и живописи *al modo di Venezia* возникают с середины XVIII века и достигают вершины в творчестве Ф. Алексеева, получившего «титло русского Каналетто». Четвертый смысл – теснота городской застройки. Ссылаясь на Теофила Готье, Каганов полагает, что «не величие, а уют и интимность, не широкий простор Невы, а тесные внутренние проезды и узкие городские речки, прорезающие каменное тело города, – вот что в середине XIX века создает сходство с Венецией и ценится выше всего». ¹⁰ Пятый смысл – среда венецианского карнавала. В начале XX века в Петербурге культ Венеции XVIII века исповедовался значительной частью художественной интеллигенции. Шестой смысл – греза об утраченном Петербурге. Такой смысл псевдоним приобрел на Западе в среде русской эмиграции: «Оттуда Петербург как-то сам собой воспринимался на венецианский лад» (например, образы Петербурга в поздней графике А. Н. Бенуа и М. В. Добужинского).

В XX веке *destructio* Петербурга, «города трагического империализма» (Н. П. Анциферов), проецируется на Венецию, отмеченную длительным умиранием. Поразительно много черт сходства обнаруживается при сопоставлении исторических судеб Венеции и Петербурга, хотя венецианская история в пять раз протяженнее петербургской.

Напомним, что Венеция основана в 451 году, когда гунны, ведомые Аттілой, вторглись на Апеннинский полуостров и разрушили город Аквилею, заставив оставшихся в живых искать убежище на островах лагуны. Высшей степени своего расцвета и могущества Республика Сан-Марко достигла спустя тысячелетие после ее основания; Петербургу для этого понадобилось чуть более ста лет. В XIII–XIV веках к Венеции перешло господство в торговле между Европой и Востоком, и она стала «господином и хозяином четверти и еще полчетверти Римской империи». В столицу торговой империи стекались несметные богатства, здесь возводились великолепные храмы и дворцы, прокладывались новые каналы, строились мосты...

В XV–XVI веках политическое и экономическое значение и влияние «жемчужины Адриатики» начинает таять. После захвата Константинополя турками, открытия Америки и морского пути в Индию сместились торговые пути, проходившие на Восток через Италию. В XVII веке турки отобрали у Венеции ее греческие владения, что привело к резкому сокращению объема ее торговли с Востоком. Аналогия с упадком Петербурга после крушения империи Романовых в начале XX века и распадом советской империи в начале 1990-х годов очевидна.

Но Венеция, накопившая в Средние века огромные богатства, осталась культурным центром, городом искусств.¹¹ Целиком утратив былую мощь, она наполнилась в XVIII веке зву-

⁹ Каганов Г. З. Северная Венеция: шесть смыслов псевдонима // Петербургские чтения-95: Материалы науч. конф. 22–26 мая 1995 года. СПб., 1995. С. 58–60. Каганов повторяет укоренившееся в исторической литературе мнение о том, что, «в отличие от Амстердама, Венеции он [Петр Великий] так и не увидел». Исследования С. О. Андросова достаточно убедительно показали: Петр все-таки посетил Венецию 19 (29) июля 1698 г. Согласимся с тем, что даже одного дня было достаточно будущему основателю Петербурга, «чтобы запомнить Венецию на всю жизнь» (Андросов С. О. Петр Великий в Венеции // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 134).

¹⁰ Каганов Г. З. Северная Венеция: шесть смыслов псевдонима. С. 59.

¹¹ Упадок благосостояния государства отразился на архитектуре как на самом дорогом виде искусства: в XVII веке венецианцы строят значительно меньше, чем в предшествующие времена, а в следующем столетии крупного строительства не

ками музыки и закружилась в вихре карнавала. Под властью Наполеона, затем Австрии и наконец в составе объединенной Италии Венеция постепенно переходила на положение города-музея.

«Венеция, – писал историк искусств Марк Монье, – накопила за собой слишком много истории, она отметила слишком много дат и пролила слишком много крови. Она слишком долго и слишком далеко отправляла свои страшные галеры, слишком много мечтала о грандиозных предназначениях и слишком многие из них осуществила...». ¹² Эта характеристика вполне приложима к краткой, но чрезвычайно интенсивной и насыщенной трагическими событиями истории Петербурга.

Проблемы современной Венеции, резко обострившиеся после наводнения 4 ноября 1966 года, когда вода поднялась на 194 сантиметра выше уровня моря и стояла три дня, включают самый сложный комплекс вопросов защиты, реставрации и поддержания жизнеспособности старого города, расположенного на 118 островах лагуны. ¹³ Зданиям, сооружениям, бесценным произведениям искусства все больше угрожают и вода, размывающая фундамент и стены, и отравляемый промышленностью Местре ¹⁴ влажный морской воздух, разрушающий камень и металл. ¹⁵ Путешествие по любому из малых венецианских каналов обнаруживает картину «загнивания» городской застройки: большие участки стен с обвалившейся штукатуркой, расстрескавшимся кирпичом, забитые окна первых этажей, выщербленные каменные блоки.

Весьма остры социальные проблемы Венеции. Значительная часть жилья не отвечает современным требованиям. Основные места трудовой деятельности – на материке. Население исторического ядра города неуклонно сокращается, при этом Венеция становится городом стариков. Покинутые жилые помещения (главным образом в первых этажах зданий) практически невозможно поддерживать, дома быстро отсыревают, ускоряется их старение и разрушение.

Все эти факторы, тесно взаимосвязанные и действующие одновременно, приближают катастрофу города. Нужны радикальные меры спасения. В последней трети XX века проблема Венеции стала достоянием широких общественных кругов в Италии и далеко за ее пределами.

Мы сознательно сгустили краски, чтобы подчеркнуть актуальность псевдонима Северная Венеция для современного Петербурга. Великий город, прославившийся на весь мир своими неповторимыми архитектурными ансамблями и грандиозными историческими событиями, оставившими неизгладимый след в памяти человечества, переживает в конце XX века вместе с Россией тяжелые времена. Суть происходящего определил в 1991 году мэр Петербурга А. А. Собчак: «Город не просто в кризисе, у нас катастрофа. Слово „спасение“ здесь единственно верное. Если мы сегодня не приложим колоссальных усилий, то завтра может быть поздно». ¹⁶ Вот лишь некоторые факты, характеризующие Петербург первой половины 1990-х годов.

1. Постоянное население города уменьшилось с 5 млн человек в 1990 году до 4,8 млн в 1996-м. С 1988 года неизменно падает число родившихся, а с 1989-го постоянно растет число умерших. В 1996 году в Петербурге умерло вдвое больше, чем родилось. На структуру населе-

предпринимают вовсе.

¹² Цит. по: *Муратов П. П.* Образы Италии. М., 1994. С. 23.

¹³ См.: *Разумов Г. А., Хасин М. Ф.* Тонущие города. 2-е изд. М., 1991. С. 193–232.

¹⁴ Местре – материковая промышленно-портовая часть Венеции. Здесь сосредоточены алюминиевые и нефтеперерабатывающие заводы, химические предприятия, теплоэлектроцентрали, судоверфи, второй в Италии по грузообороту морской порт.

¹⁵ На протяжении XX века Венеция довольно быстро (до 5 мм в год) погружалась в лагуну, в результате суша погрузилась на 23 см. Основная причина бедствия – промышленный забор воды из артезианских скважин и, как следствие, понижение водоносного слоя земли; на постепенное затопление города также влияет возрастающее давление наземных объектов. После закрытия скважин оседание города замедлилось, ныне прекратилось. По расчетам ученых, Венеция может стать не пригодной для жизни уже в 2028 г. Постепенное разрушение города происходит также из-за увеличившейся частоты наводнений в Венецианской лагуне.

¹⁶ *Собчак А. А.* Сбереечь для человечества // Наше наследие. 1991. № 6. С. 114.

ния города традиционно серьезное влияние оказывали переселенцы (вольные или невольные). Если до 1991 года общий прирост населения формировался главным образом за счет мигрантов, то в начале 1990-х миграционное сальдо имело уже отрицательный знак: уезжало больше, чем прибывало. Согласно прогнозу Центра экономической конъюнктуры при правительстве России, сохранение негативных тенденций ожидается в ближайшие 5–10 лет. Постоянно убывает доля жителей Петербурга в численности населения страны. Миграционные процессы в сочетании с динамикой рождаемости и смертности заметно влияют на половозрастную структуру населения города. Доля горожан моложе трудоспособного возраста имеет тенденцию к сокращению, а доля петербуржцев старше трудоспособного возраста – к росту. Одновременно доля женщин почти на 10 % превышает долю мужчин (по всей России – на 7 %). Очевидно, что демографические проблемы города обострены экономическим кризисом.

2. Гигантское свертывание производства в России в первой половине 1990-х годов сопоставимо с Великой депрессией в США. Общий объем промышленного производства за 1991–1994 годы сократился наполовину, как и в США в 1929–1933 годах. Темпы падения производства в следующие два года сохранились. Спад индустриального производства в Петербурге оказался более глубоким, чем по стране в целом. Промышленность Северной столицы родилась и развивалась на протяжении трех веков прежде всего как военная. К моменту распада советской империи около 70 % промышленности Ленинграда составляли машиностроительные предприятия, значительная часть которых была занята производством разных видов военной продукции,¹⁷ выпуск которой с начала 1990-х годов неуклонно сокращался. В результате стремительно распадалась отрасль, оснащенная передовыми технологиями, на предприятиях которой были заняты сотни тысяч наиболее квалифицированных работников. Демилитаризация экономики и конверсия ВПК протекали здесь не менее болезненно, чем в других регионах.

3. Исторически Петербург сложился как общероссийский центр подготовки специалистов высшей квалификации. Здесь основаны Петром Великим Академия наук и первый российский университет, на протяжении трех столетий создавались высочайшие образцы культуры, велись фундаментальные и прикладные научные исследования, развивались наукоемкие технологии. Долгие годы считалось, что высшая школа Петербурга является уникальной и наиболее мощной образовательной системой страны. Однако и в этой сфере проявились угрожающие тенденции, тесно связанные с экономическим кризисом. С 1985 по 1996 год число работающих в сфере науки в Петербурге сократилось почти вдвое. Количество студентов уменьшалось значительно быстрее, чем население города.¹⁸

4. Историческое ядро Петербурга площадью 4800 гектаров, внесенное в 1990 году в Список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, – активно функционирующий центр современного мегаполиса. На территории центра в первой половине 1990-х годов проживало около 800 тыс. и работало свыше 1 млн человек. В эту зону особой деловой и культурной активности ежедневно прибывало еще до 1,8 млн человек. Жилой фонд центральных районов составлял 20 % общего жилого фонда города. Утвержденная в 1996 году Федеральная целевая программа развития исторического центра Петербурга констатировала, что в реставрации, реконструкции или капитальном ремонте нуждаются до 10 млн квадратных метров жилого фонда дореволюционной постройки; инженерные сети – тепловые, электрические, газовые, водопроводные, канализационные – общей протяженностью свыше 2 тыс. км; главная водопро-

¹⁷ К началу 1990-х гг. в Ленинграде сформировался конгломерат отраслей по производству новейших вооружений, включавший и многие направления науки, который оказывал значительное влияние на социально-политическую и в каком-то смысле нравственную атмосферу. В период наставшей гонки вооружений ВПК Ленинграда активно участвовал в разработке и совершенствовании военно-морской, ракетной, космической, авиационной, танковой, артиллерийской техники. Эта гигантская «кузница оружия» находилась в опасной зависимости от государственного заказа. Даже частичная демилитаризация экономики и конверсия ВПК должны были неизбежно обернуться для города острейшими проблемами.

¹⁸ См.: *Музыбаев К.* Динамика уровня жизни в Петербурге. 1992–1994. СПб., 1995.

водная станция, электростанции и другие инженерные сооружения.¹⁹ Состояние памятников истории и культуры в Петербурге – катастрофическое. Обследование показало, что более ста уникальных памятников, официально охраняемых государством, находятся в полуразрушенном или аварийном состоянии, а еще 355 памятников нуждаются в ремонте и реставрации.

Таковы некоторые факты. По мнению главного архитектора Петербурга 1990-х годов О. А. Харченко, «наш город похож на квартиру, уставленную антикварной мебелью, но напрочь лишенную предметов быта – стиральной машины, телефона, антенны спутниковой связи и т. п. Причем ценность доставшегося от предков антиквариата стремительно падает по мере его обветшания».²⁰

Ностальгически-охранительная тенденция, преобладавшая в общественном мнении посткоммунистического города, подталкивала к культивированию милых сердцу остатков старины. Эту атмосферу самоутверждения Петербурга в его историческом прошлом можно охарактеризовать как похоронный звон по его великой судьбе. Наивными оказались попытки возродить «Россию, которую мы потеряли», «блистательный Петербург» и т. п. Действительное спасение города требовало раскрытия новых смыслов и степеней свободы, не столько реставрации, сколько – ревитализации. Город должен был обрести новую идею, новое предназначение, «новый миф»...

Новая концепция социально-экономического развития города, разработка которой была начата в те годы авторами «Стратегического плана для Петербурга», в самом общем виде предлагала эволюцию гигантской кузницы оружия в международный центр импортно-экспортных операций, туризма, науки и культуры. Смена приоритетных направлений развития Северной Венеции только начиналась, и обретение новых идентификаций приходило с большим трудом. Принципиально важно было осознать, что культурные достижения Петербурга не являются реликтами ушедших эпох, что они составляют тот решающий капитал, который может в значительной мере обеспечить возрождение и процветание города в XXI веке. В предисловии к книге Н. П. Анциферова «Душа Петербурга» профессор И. М. Гревс писал: «Петербург уже пережил апогей своей славы, померк ныне его блеск. Но умирает ли он или только тяжело болен? Будем верить, что он возродится не в прежней царственной мантии, но в новом расцвете научно-художественного зиятельства, идейной работы и культурной энергии...».²¹

¹⁹ См.: Федеральная целевая программа развития и сохранения исторического центра Санкт-Петербурга: В 2 т. СПб., 1994.

²⁰ Харченко О. А. Олимпийский шанс Петербурга // Петербургские чтения-96: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 34.

²¹ Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пг., 1922. С. 14.

Феномен «коренного» петербуржца: мифы и реальность

Поводом для написания этой статьи стало знакомство с публикацией искусствоведа Н. В. Желанной под интригующим названием «Genius loci Ленинграда».²² По мнению автора, «за два с лишним века развития города у коренного его населения успели сложиться и закрепиться те черты образа жизни, тот внешний облик и духовные склонности, которые дают возможность говорить о человеке особого типа – ленинградском жителе. Носителем мировоззренческих традиций культуры Петербурга – Ленинграда выступает интеллигенция из числа коренных горожан, составляющая костяк ленинградского общества». При этом с сожалением констатировалось, что «культура коренных жителей Ленинграда постоянно разбавляется группами мигрантов: в связи с низкой рождаемостью механический прирост населения в городе всегда преобладал над естественным».²³ Затем в статье вскользь говорилось о «свойственных мигрантам нестабильных ценностных ориентациях» в отличие от коренных горожан – людей «особого типа», «носителей мировоззренческих традиций культуры Петербурга – Ленинграда».

Столь категоричное противопоставление потомственных, «коренных» жителей Северной столицы петербуржцам в первом поколении все-таки нуждается, как мне кажется, в отчетливом обосновании. Увы! В заинтересовавшей меня статье его не оказалось.

Подобная априорность суждений присуща и другим исследователям «феномена Петербурга». Профессор М. С. Каган, изучавший приметы петербургской субкультуры и особенности ее стиля, считал, что они «порождены деятельностью формировавшегося в граде Петра на

²² Желанная Н. В. «Genius loci» Ленинграда // Техническая эстетика. 1989. № 6.

²³ Там же. С. 18.

протяжении двухсот лет нового духовного слоя россиян – петербургской интеллигенции». И далее: «Само понятие „петербуржец“ стало термином, обозначающим человеческий тип, отличающийся по психологии и поведению. Несмотря на многолетние упорные попытки властей вытравить сам дух Петербурга, несмотря на последовательную политику люмпенизации города, наводнявшегося так называемыми лимитчиками, он сохранил духовный потенциал».²⁴ Таким образом, мигранты сводятся к «лимитчикам», а «духовный потенциал» Петербурга сохраняется не благодаря, а вопреки приезжим.

По мнению этнодемографа и генеалога И. В. Сахарова, «коренному населению города в целом, потомственным петербуржцам, к каким бы этническим группам или религиозным общинам они ни принадлежали, оказались присущи особый петербургский дух, своеобразный петербургский менталитет, специфическое мироощущение...». После революции, полагает исследователь, «сложившийся здесь (т. е. в Петербурге. – А. М.) мир „Европы в миниатюре“ был безжалостно уничтожен, общеевропейский дух сломлен, и о них стали напоминать лишь внешняя архитектурная оболочка да немногие пережившие революцию, массовые репрессии и блокаду коренные петербуржцы – уцелевшие носители добрых старых культурных традиций».²⁵ Невольно задаешься вопросом, сколько же среди нас этих немногих «атлантов, держащих небо на каменных руках», коренных петербуржцев, родившихся до 1917 года, переживших «революцию, массовые репрессии и блокаду»? В интереснейшей статье И. В. Сахарова нет ответа на этот закономерный вопрос. Частично свет на него проливает работа Н. И. Гайдукковой, в которой сообщается, что к началу 1990-х годов структура населения города на Неве была такова: родились в Ленинграде 52 % жителей, приехали до войны – 4 %, послевоенные мигранты – 44 %. «Коренных жителей в полном смысле слова (мать и отец родились в этом городе) осталось не более 10 %. Такая интенсивная динамика населения не оказала положительного влияния на городскую культуру».²⁶ Последнее замечание вроде бы свидетельствует о том, что незначительная доля «коренных жителей» в составе населения Петербурга – примета новейшего времени. Так ли это?

Автор обстоятельного описания столицы начала 70-х годов XIX века В. О. Михневич отмечал «недостаточность в Петербурге собственно петербуржцев, то есть коренных, прирожденных его жителей, составляющих... весьма ничтожный процент в общей массе столичного пришлого населения».²⁷ В 1897 году неместные уроженцы составляли, по разным оценкам, от 62 до 69 % населения Петербурга,²⁸ то есть доля мигрантов была значительно выше, чем сто лет спустя. Более того, есть достаточные основания утверждать, что население города на протяжении всей его истории в решающей мере росло за счет мигрантов (табл. 1).

Таблица 1
Динамика численности населения Петербурга

²⁴ Коган М. С. Слово Петербурга в истории русской культуры // Возрождение культуры России: Истоки и современность. Вып. 1. СПб., 1993. С. 96.

²⁵ Сахаров И. В. Столица Российской империи как прообраз объединенной Европы (взгляд этнодемографа и генеалога) // Феномен Петербурга: труды Междунар. конф. СПб., 2000. С. 151.

²⁶ Гайдуккова Н. И. Население и жилая среда Санкт-Петербурга за 100 лет // Петербургские чтения: тезисы докладов конф. СПб., 1992. С. 163.

²⁷ Михневич В. О. Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 262.

²⁸ Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1984. С. 87.

Годы	Численность (в тыс. чел.)
1725	40
1750	95
1800	220
1853	523
1897	1265
1917	2500
1920	720
1939	3400
1944	560
1959	3300
1979	4570
1990	5000
1996	4800
2012	5000

Три самых сильных спада численности населения Петербурга произошли в XX веке: в годы Гражданской войны – от 2500 тыс. человек в 1917 году до 720 тыс. в конце 1920 года; в период блокады – с 3400 тыс. (в 1939 г.) до 560 тыс. в начале 1944 года;²⁹ в период кризиса после распада Советского Союза с 5000 тыс. в 1990 году до 4800 тыс. в 1996 году. Всякий раз восстановление и рост численности населения происходили вследствие приезда в город сотен тысяч новых жителей.

Напомним, что изначально население Петербурга формировалось за счет принудительных переселений. По указу 1704 года сюда ежегодно присылались до 24 тысяч рабочих людей; большинство, отработав на строительстве новой столицы от двух до трех месяцев, возвращались затем в свои деревни. Рядом указов 1710-х годов «на вечное житье» в Петербург переселены тысячи мастеровых, купцов и дворян из Москвы, Киева, Казани, Архангельска и других городов. Согласимся с В. В. Покшишевским, который писал, что Петербург «смог расти, питаясь соками всей России»,³⁰ добавив к этому: с первых лет существования города правительство

²⁹ Истинные масштабы демографической катастрофы, вызванной блокадой, остаются не до конца выясненными. Современные исследователи признают, что число умерших в 1941–1943 гг. ленинградцев – не менее 1 млн человек. Из города и пригородов удалось эвакуировать в 1941–1942 гг. около 1700 тыс. человек (*Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки.* Новосибирск, 2000. С. 172–175).

³⁰ *Покшишевский В. В. Некоторые вопросы экономико-географического положения Ленинграда // Вопросы географии.* Сб. 38. М., 1956. С. 108.

усердно приглашало в Северную столицу иностранных специалистов. Так что «соки», а точнее «сливки», были не только российские.

Впрочем, хотя в XIX столетии сложилось представление о Петербурге как о «немецком» городе, основу его населения всегда составляли русские. В период с 1869 по 1910 год (время проведения регулярных городских переписей) доля русских стабильно составляла 82–83 %. На рубеже XIX–XX веков самыми многочисленными этническими группами в Петербурге были, кроме русских, белорусы, поляки, немцы, финны, евреи, эстонцы, латыши, украинцы.³¹ Всего же переписью 1897 года учтено в составе жителей российской столицы 60 этнических групп.

Весьма существенно, что Петербург традиционно пополнялся именно мигрантами, а не слобожанами. В этом проявилось одно из отличий Петербурга от Москвы, которая до настоящего времени прирастает за счет включения в городскую территорию сел и деревень густонаселенной московской округи.

После отмены крепостного права в населении Петербурга непрерывно возрастала доля крестьян (по сословному происхождению) и одновременно расширялась территория их выхода. По подсчетам Н. В. Юхневой, в 1869 году крестьяне составляли 31 % всего населения столицы, в 1881-м – 43 %, в 1890-м – 57 %, в 1897-м – 59 %, в 1910-м – 69 %. Большую часть из них составляли отходники, жившие в Петербурге временно, всего по несколько месяцев.³² Уроженцев Петербурга среди живших в городе крестьян в 1910 году оказалось лишь 25 %.³³

Исследования миграции населения в Петербург во второй половине XIX – начале XX века показывают, что ареал притяжения столицы был самым большим в Российской империи, намного превосходя ареал притяжения Москвы. Больше половины пришло петербургского населения составляли в начале минувшего столетия выходцы из северных губерний Европейской России (Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Новгородская, Ярославская, Костромская). Важно подчеркнуть, что в течение всего пореформенного периода сила притяжения Петербурга неуклонно возрастала.³⁴ Среди различных факторов, обуславливавших эту тенденцию, наряду со столичным статусом и ролью крупнейшего промышленного центра страны, назовем следующие.

Во-первых, в «военной столице» был расквартирован многочисленный гарнизон (включая императорскую гвардию и питомцев военно-учебных заведений). Военное население города на Неве с петровских времен и поныне является значительной социально-профессиональной группой, состоящей почти исключительно из приезжих.

Во-вторых, именно в Петербурге получили последовательное развитие практически все направления высшего образования. Естественно, что в городе сложилась значительная группа специалистов, обеспечивающих учебный процесс, и еще большая группа студентов как временного населения.

Вышесказанное служит объяснением тому, что весьма значительная часть «великих петербуржцев», с именами которых ассоциируются высшие научные и культурные достижения города, не были уроженцами города на Неве. А это М. В. Ломоносов, Л. Эйлер, Ф. Растрелли, Дж. Кваренги, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ж.-Ф. Тома де Томон, О. Р. де Монферран, В. П. Стасов, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. И. Пирогов, Д. И. Менделеев, И. П. Павлов, А. Г. Рубинштейн, М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский, М. Петипа, И. Е. Репин, К. С. Петров-Водкин, А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, А. С. Попов, В. М. Бехтерев, Н. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, В. Э. Мейерхольд, С. П. Дягилев, Ю.

³¹ Юхнева Н. В. Петербург – многонациональная столица // Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 13.

³² Там же. С. 15; Лурье Л. Я. «Питерщики» в Петербурге // Город и горожане в России XX века: материалы российско-французского семинара. СПб., 2001. С. 86–91.

³³ Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. С. 39.

³⁴ Там же. С. 97.

Н. Тынянов, Н. П. Анциферов, С. Я. Маршак, Г. М. Козинцев, А. И. Райкин, Н. П. Акимов, Г. А. Товстоногов и т. д.

Суть нашей гипотезы заключается в том, что именно «чужие», родившиеся и прошедшие первую фазу социализации за пределами Петербурга, а вовсе не «коренные» (потомственные) петербуржцы, роль которых несколько преувеличена, оказывали определяющее влияние на формирование петербургского менталитета, типичных черт петербургской интеллигенции.

История Петербурга показывает, что он развивался как городская общность и совокупность разнообразных укладов (этнических, сословных, социально-профессиональных), которые проявлялись в оппозициях «старое – новое» и «свои – чужие». Именно в процессе непрерывных взаимовлияний и взаимопроникновений укладов с присущими им нормами, стереотипами поведения, деятельности, способами освоения пространства и т. д. происходила их интеграция, складывался новый, особый социально-психологический тип горожанина Петербурга.³⁵

Г. П. Федотов писал в 1926 году о Петербурге: «Если бы каждый дом здесь поведал свое прошлое хотя бы казенной мраморной доской, – прохожий был бы подавлен этой фабрикой мысли, этим костром сердец. <...> Весь воздух здесь до такой степени насыщенный испарениями человеческой мысли и творчества, что эта атмосфера не рассеется целые десятилетия».³⁶ Размышления Федотова подсказали мне один из источников данного исследования – мемориальные доски Петербурга. Они составляют обширную летопись города, являются особым знаком нашей исторической памяти, данью уважения общества к заслугам выдающихся горожан. Согласно данным Государственного музея городской скульптуры, опубликованным в 1999 году, в Петербурге на тот момент мемориальными досками была увековечена память около 500 человек – деятелей науки и культуры (80 %), освободительного движения (11 %), государственных деятелей и военачальников (9 %).³⁷ Среди них уроженцами Петербурга—Петрограда—Ленинграда оказались лишь 22,8 % (табл. 2).

Таблица 2

Места рождения знаменитых петербуржцев, которым установлены мемориальные доски (данные на начало 1999 года, в % от численности выборки)

³⁵ См.: *Борисевич Е. А.* Городская общность и городская среда Санкт-Петербурга // Санкт-Петербург на рубеже XX и XXI веков. СПб., 1999. С. 141.

³⁶ *Федотов Г. П.* Историческая публицистика // Новый мир. 1989. № 4. С. 210.

³⁷ Мемориальные доски Санкт-Петербурга: Справочник. СПб., 1999.

Наименование	Проценты
Санкт-Петербург	22,8
Москва	6,8
Центральная Россия	14,6
Украина	10,8
Поволжье	10,0
Северо-Запад России	7,8
Северный Кавказ и Закавказье	5,2
Прибалтика	3,8
Урал	3,0
Белоруссия	2,2
Сибирь и Дальний Восток	2,2
Средняя Азия	0,6
Молдавия	0,4
Дальнее зарубежье (Европа)	9,8
Всего	100

Наряду с Москвой, наибольшее число выдающихся петербуржцев оказалось среди уроженцев Тверской и Воронежской губерний, Киева, Нижнего Новгорода, Вятской губернии, Грузии, Латвии, Польши, Германии и Швейцарии, – их в совокупности в данной выборке больше, чем «коренных» петербуржцев.

Важно подчеркнуть, что значительное большинство деятелей, увековеченных мемориальными досками, относятся к XIX – началу XX века, т. е. «золотому» и «серебряному» векам российской культуры, когда лидерство Северной столицы практически во всех видах деятельности было бесспорным.

Данные, характеризующие петербургскую элиту конца XX века, можно извлечь из справочников «Кто есть кто в Санкт-Петербурге», которые издаются с 1995 года. Они содержат краткие биографии более 500 наиболее влиятельных и известных петербуржцев. Это деятели науки и культуры, промышленники и предприниматели, государственные и политические деятели, военачальники и др. (табл. 3).

Отдавая себе отчет в определенной условности сопоставления данных по выборкам, отраженным в таблицах 2 и 3, мы тем не менее можем усмотреть в них некоторые тенденции:

1) среди влиятельных лиц, так или иначе отмеченных в «рейтингах» известности, доля «коренных» петербуржцев к концу XX века увеличилась в два с лишним раза, хотя по-прежнему выходцы из других регионов составляют больше половины;

2) в составе петербургской элиты не осталось иностранцев по происхождению;

3) резко сократилась доля уроженцев Москвы, Центральной России, Прибалтики, Поволжья;

4) существенно возросла доля выходцев из Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока.

Таблица 3

Места рождения наиболее влиятельных и известных петербуржцев конца XX века³⁸

Наименование	Процент от численности выборки
Ленинград	48,3
Москва	2,7
Сибирь и Дальний Восток	8,4
Украина	8,1
Северо-Запад России	6,7
Центральная Россия	5,9
Северный Кавказ и Закавказье	5,9
Поволжье	4,4
Средняя Азия	3,4
Белоруссия	1,7
Урал	1,7
Прибалтика	1,2
Всего	100%

Любопытная картина складывается при рассмотрении отдельных социально-профессиональных групп, представители которых входят в состав современной петербургской элиты. Среди академиков РАН уроженцев Петербурга—Ленинграда оказалось 50 %, среди ректоров и начальников вузов – 34,4 %, среди директоров музеев, библиотек и архивов – 58,3 %, среди литераторов – 58,1 %, среди театральных и музыкальных деятелей – 50 %, среди банкиров, промышленников и предпринимателей – 42,8 %, среди представителей органов власти – 49,4 %.³⁹

Вслед за С. А. Кугелем следует признать, что «в постсоветском обществе, оттесняя духовную элиту, на первый план выдвигается предпринимательно-купеческая и управленческая элита».⁴⁰ Это наблюдение подтверждают исследования Института социологии РАН, где под руководством Татьяны Протасенко с 1997 года проводятся экспертные опросы с целью определения списка наиболее влиятельных людей Петербурга. Согласно опросу, проведенному с 25 мая по 20 июня 2001 года, в число 30 наиболее влиятельных петербуржцев вошли 14 представителей различных властных структур федерального и регионального уровня, 9 бизнесменов, а также 2 редактора петербургских газет (Н. С. Чаплина и А. Ю. Манилова), художественный руководитель Мариинского театра В. А. Гергиев, академики РАН И. Д. Спасский и Ж. И. Алферов, директор Эрмитажа М. Б. Пиотровский и ректор Санкт-Петербургского универси-

³⁸ Кто есть кто в Санкт-Петербурге-96. СПб., 1996.

³⁹ См.: Кто есть кто в Санкт-Петербурге: Биографический справочник. Вып. 5. СПб., 2000; Кто есть кто в деловом Петербурге: Биографический справочник. Вып. 2. СПб., 2001.

⁴⁰ Кугель С. А. Интеллектуальная элита: структура и функции // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 2, кн. 1. СПб., 1994. С. 8.

тета Л. А. Вербицкая.⁴¹ В этой группе доля «коренных» петербуржцев оказалась чуть меньше половины – 46,4 %.

Какой вывод позволяют сделать эти наблюдения? На мой взгляд, очевидно, что увеличение доли «коренных» петербуржцев в составе элиты Петербурга (в том числе интеллектуальной элиты) по сравнению с началом XX века отнюдь не повлекло за собой взлета петербургской культуры. Скорее наоборот: ослабление силы притяжения бывшей столицы, «где энергетика России собиралась в цивилизацию и снопом излучалась на мир» (Г. Д. Гачев), «железный занавес», лишивший город на Неве притока свежих сил («мозгов») из-за рубежа, резкое сокращение в последнем десятилетии XX века притока мигрантов – все это негативно сказалось на уникальной городской общности «столицы русской провинции» (С. Довлатов).

Петербург был и в значительной мере остается своего рода «плавильным котлом», тиглем, где переплавлялись и превращались в петербуржцев представители других регионов России и зарубежья, постоянно вливавшиеся в его население. В совокупности с другими факторами мощное моделирующее воздействие городского пространства исторического центра Петербурга трудно переоценить. Архитектор В. И. Лелина: «Петербург отпечатывается в каждом, кто входит в его пределы, незаметно, ненавязчиво диктуя стиль поведения, проникая в мысли и чувства».⁴² Искусствовед И. Д. Чечот: «Прошлое, великое, значительное, прекрасное, достойное памяти и познания, говорящее о выдающихся людях или просто о петербургских типах, символическое для города, для России, для Европы – петербургское пространство постоянно вызывает к себе, не оставляя жителя в покое». Не могу не согласиться с публицистически заостренным выводом Чечота: «Петербург сегодня, если рассматривать его в исторической перспективе XX века, – город, оставленный одними жителями и заполненный другими. Это повторялось дважды: после революции и после войны. <...> Новые жители, к которым относится подавляющее число населения, совсем не чувствуют себя чужими в Петербурге – Ленинграде и смело идентифицируют себя с ним...».⁴³

Город на Неве, у которого за 300 лет менялись названия и правители, в котором неоднократно почти полностью истреблялась интеллектуальная элита, а во время войны погибла половина населения, сумел обрести и сохранить неповторимое единство и цельность, вновь и вновь делая своих жителей петербуржцами, независимо от того, где они родились, независимо от их национальности, социальной и конфессиональной принадлежности.

⁴¹ Санкт-Петербургский Час пик. № 26 (180). 27 июня – 3 июля 2001. С. 1, 3.

⁴² Лелина В. И. Петербургский стиль как повседневная реальность // Феномен Петербурга: Труды Междунар. конф. СПб., 2000. С. 415.

⁴³ Чечот И. Д. Петербург как сопротивление (к вопросу о петербургском стиле) // Санкт-Петербург в конце XX века: Современная жизнь исторического города. СПб., 1999. С. 10–11.

Петр Великий – первый архитектор Петербурга

Традиционно принято считать первым архитектором Петербурга тессинца Доменико Трезини, которого в России, ставшего для него второй родиной, стали звать Андреем Якимовичем. Отнюдь, не стремясь преуменьшить огромный вклад этого фортификатора и зодчего в строительство Петербурга первой трети XVIII века, напомним, что корабль, на борту которого Трезини прибыл в Россию, бросил якорь в Архангельском порту 27 июля 1703 года, то есть через два с лишним месяца после основания крепости Санкт-Питербурх. На берегах Невы Трезини впервые появился в феврале следующего, 1704 года, когда строительство дерево-земляной фортеции на Заячьем острове было уже полностью завершено. Первая работа Трезини в России – строительство форта Кроншлот – осуществлялась по модели, доставленной из Воронежа.

Пальму первенства соблазнительно передать французскому генерал-инженеру Ламберу де Герену, который исполнил первоначальный чертеж Петропавловской крепости, за что был награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Однако не будем спешить.

Академик М. П. Погодин, характеризуя грандиозность и всеохватность реформ Петра Великого, писал: «Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, Табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академии – суть памятники его неутомимой деятельности и его гения». К этому впечатляющему списку петровских деяний и нововведений следует добавить еще и Санкт-Петербург – новую столицу преобразенной России.

Н. М. Карамзин назвал перенос столицы из Москвы в Петербург «блестящей ошибкой Петра Великого». Впрочем, вслед за тем признал: «Великий муж самыми ошибками доказывает свое величие: их трудно или невозможно изгладить». Историк С. М. Соловьев возразил своему великому предшественнику: «У нас издревле переносят столицы из одного места в другое, из Новгорода в Киев, из Киева во Владимир, из Владимира в Москву». Очередное перемещение столицы «в начале новой русской истории, истории по преимуществу европейской», Соловьев считал необходимым и неизбежным. Роль столицы, по его мнению, дана Петербургу «ходом истории точно так же, как поднят был Владимир на счет Киева и Москва поднялась на счет Владимира». И далее: «Что касается до выбора места для Петербурга <...> выбора, за который упрекают Петра, то стоит только взглянуть на тогдашнюю карту Восточной Европы, чтобы понять этот выбор: новый город основан там, где западное море всего глубже входит в великую восточную равнину и наиболее приближается к русской земле, к тогдашним русским владениям».

На мой взгляд, истинно первым архитектором Петербурга был его державный основатель – Петр Великий. Его роль не помещается в традиционный сценарий взаимоотношений заказчиков и зодчих. Выбор Петром местоположения новой столицы в устье Невы – сугубо личный акт. Именно его пространственные идеи воплощали Трезини, Леблон, Шлютер, Микетти и другие первостроители Петербурга. Петр I постоянно корректировал проекты и замыслы своих инженеров и зодчих – даже самых маститых, – поскольку был не только весьма квалифицированным заказчиком, но и подлинным «генерал-архитектором». При этом он нередко сопровождал свои указания графическими пояснениями в виде эскизов планировки здания или разбивки парка, рисунков фасада или паркета.

Петр был автором градостроительных узлов, положенных в основу развития города. Он непосредственно занимался планировкой отдельных частей города, определял территории жилой застройки и местоположение наиболее значительных сооружений. Строительство города велось практически под его диктовку – на основе его личных указов Канцелярии городских дел.

Традиционно считалось, что Петербург, в отличие от древнерусских городов, изначально строился по единому замыслу и единому генеральному плану. Однако реальная история развития города на Неве гораздо сложнее. Современными исследованиями доказано, что «первичный Петербург» складывался в основном стихийно, но с первых месяцев строительства города отдельные комплексы и здания выполнялись по специально разработанным проектам. И практически все эти проекты восходили к чертежам и указаниям самого Петра: Петропавловская крепость, Кронверк, Адмиралтейство, Кроншлот, Летние сады, Петергоф, Стрельна...

Примеров проектирования Петром I в самых различных формах – от чертежей до Указов и высочайших резолюций – великое множество. Царь самолично обозначил планировку территории в районе Почтового двора, прокладку будущих Миллионной и Галерной улиц, застройку вдоль Фонтанки, на Выборгской стороне и т. д., и т. п. В петровских указах четко формулировалось, как делать потолки, кровли, печи и трубы, как устраивать набережные, какой формы должны быть спуски к воде и т. д.

Не менее очевидно участие Петра в первых градостроительных проектных работах. С 1712 года, когда Петербург становится столицей России, Петр I предпринимал неоднократные попытки упорядочить стихийное развитие города. Он несколько раз пытался создать на свободных от застройки местах свой идеальный город: вспомним проект столицы на острове Котлин, в районе Литейного двора, на Выборгской стороне и, наконец, на Васильевском острове.

Первым единым генеральным планом, композиционно объединившим все территории, на которых во многом спонтанно формировалась застройка раннего Петербурга, является неосуществленный проект Жана-Батиста Александра Леблona 1716–1717 годов. Как показано

в работах Н. В. Калязиной, М. В. Иогансен, Ю. М. Овсянникова и других исследователей, фактическим автором реально осуществлявшегося плана города был Петр I.

Стоит привести несколько примеров стиля работы августейшего «генерал-архитектора». Вот знаменитая резолюция Петра I, наложенная на проект фасада «образцового» дома для застройки набережных Васильевского острова, который разработал Леблон: «...понеже по Леблоновым чертежам во всех полатных строениях, а особливо в Питербурхских домах окна зело велики, а шпации меж ними малы, чего для ему объявите, чтоб в жилых полатах конечно окна меньше делал, а в салах как хочет, понеже у нас не французский климат». Существует план Летних садов с любопытной надписью: «Чертеж Питербурхского государева Огороду Летнего... чертил сам царское величество».

Симптоматично, что в фондах библиотеки Петра Великого хранится немало книг и альбомов по архитектуре и строительству. Историк Петербурга М. Н. Микишатов свидетельствует, что большинство этих изданий явно были в работе – на их полях пометки, надписи, переводы иностранных текстов на русский язык. Некоторые листы затрепаны. Нижние углы даже очень ценных фолиантов в буквальном смысле «хранят следы рук» Петра.

Замечательным свидетельством ценностных ориентаций Петра является его письмо Ивану Коробову, учившемуся в Антверпене архитектурной науке: «Пишешь ты, чтобы отпустить тебя во Францию и Италию для практики архитектуры цивилис. Во Франции я сам был, где никакого украшения в архитектуре нет и не любят; а только гладко и просто и очень толсто строят, и все из камня, а не из кирпича. О Италии довольно слышал; к тому же имеем трех человек русских, которые там учились и знают нарочито. Но в обоих сих местах строения здешней ситуации противные места имеют, а сходнее голландские. Того ради надобно тебе в Голландии жить, а не в Брабандии и выучить манер голландской архитектуры, а особливо фундаменты, которые нужны здесь; ибо равную ситуацию имеют для низости и воды, также тонкости стен. К тому же огородам [садам] препорции, как их размерять и украшать, как леском, так и всякими фигурами; чего нигде в свете столько хорошего нет, как в Голландии, и я ничего так не требую, как сего. Также и слюзному делу обучаться тебе надлежит, которое здесь зело нужно. Того ради отложи все, сему учись. Петр. В 7-й день ноября 1724 года...».

Вспомним один их анекдотов Нартова. Причем не столь важна достоверность самого петровского изречения, сколько то, что современники из него запомнили: «Если Бог продлит жизнь и здоровье, Петербург будет другой Амстердам». Занимаясь устройством новой столицы, Петр руководствовался своим личным вкусом, который во многом соответствовал характеру петербургской природы. Здесь было много воды, а пристрастие Петра к судостроению и мореплаванию известно. Суровость климата, бедность почвы напоминали ему те города и страны, которые еще во время первого путешествия по Европе в 1697 году произвели на него наиболее сильное и благоприятное впечатление. Его пленила Голландия с ее морскими портами, дельтами рек, многочисленными каналами, верфями, международной торговлей, богатством без роскоши, трудолюбием населения, веротерпимостью, простым и ясным укладом жизни. Именно Голландия была для него идеалом процветающего и благоустроенного государства, а прообразом столицы-«парадиза» – Амстердам.

Впрочем, в какой-то мере источниками формирования Петербурга послужили и Лондон, и Копенгаген, и Рига, и города северной Германии. Нельзя отрицать также сильного воздействия великого художественного наследия Италии и Франции – от античности до барокко.

Специфические условия строительства города на практически пустом месте создавали совершенно необычные возможности для создания грандиозных пространственных композиций. В самом деле, разве можно было в начале XVIII века в какой-либо из старых европейских столиц создать столь протяженные постройки, как Адмиралтейство или здание Двенадцати коллегий? Или оставить в самом центре города столь обширные незастроенные пространства,

как Царицын луг (Марсово поле) и эспланада вокруг Адмиралтейской крепости, определившие масштаб будущих центральных площадей?

Воплотилась ли мечта Петра о новом Амстердаме на берегах Невы? Лишь отчасти...

Понятие «Петровский Петербург» распространяется на всю первую треть XVIII века, поскольку идеи Петра оставались господствующими и после его смерти, вплоть до 1737 года – времени учреждения Комиссии о Санкт-Петербургском строении. С тех пор начинается процесс более или менее резкого отхода от замысла основателя Северной столицы.

Что же характерно для петровского периода в развитии планировочной структуры города?

1. Определяющее значение водных пространств при формировании первоначальной застройки Петербурга. Прокладка в дополнение к естественным водным артериям сети искусственных каналов.

2. Преобладание традиционных принципов расселения – слободами, которые стихийно складывались по профессиональному или этническому признаку. Одновременно – возникновение и нарастание планового регулярного строительства с весьма жесткой регламентацией.

3. Ориентация на островное положение центра столицы, приоритетное развитие Васильевского острова в ущерб левобережной, материковой части.

В дальнейшем происходит постепенная утрата доминирующего значения водных пространств в развитии плана города, перенос центра столицы на левый берег Невы и его преимущественный рост в южном направлении – вглубь материка, в сторону Москвы. Эта «анти-петровская» тенденция достигла своего апогея уже в советский период и была закреплена в Генеральном плане развития Ленинграда 1930-х годов. Лишь в конце XX века начал постепенно складываться морской фасад города в западной части Васильевского острова.

Впрочем, необратимость петровских начинаний, петровской «революции сверху» обнаружилась на рубеже 1720– 1730-х годов, когда столица на какое-то время была возвращена в Москву, и, казалось, сбывается пророчество царицы Авдотьи – «Петербургу быть пусту», когда не стало уже «узды железной», поднявшей Россию на дыбы. Но нет – град Петра возродился и продолжил свое развитие по проложенному царем-основателем руслу, как город-инноватор, как окно в Европу, окно во внешний мир, окно в Будущее.

«Единица Петербурга – площадь»

Сравнивая две российские столицы, Юрий Тынянов писал: «Петербург никогда не боялся пустоты. Москва росла по домам, которые естественно сцеплялись друг с другом, обрастали домишками, и так возникали московские улицы. Московские площади не всегда можно отличить от улиц, с которыми они разнствуют только шириною, а не духом пространства. <...> Основная единица Москвы – дом, поэтому в Москве много тупиков и переулков. В Петербурге совсем нет тупиков, а каждый переулок стремится быть проспектом. <...> Улицы в Петербурге образованы ранее домов, и дома только восполнили их линии. Площади же образованы ранее улиц. Поэтому они совершенно самостоятельны, независимы от домов и улиц, их образующих. Единица Петербурга – площадь».

Так в романе «Кюхля» начинается глава, посвященная восстанию на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Характерно, что художникам эпохи декабристов Петербург виделся огромным, пустым и светлым пространством, заключенным в торжественную архитектурную раму. Пустынное петербургское пространство, а вовсе не архитектура, является героем «литографированных поэм» эпохи классицизма. В этом проявилась исконная природа Петербурга, с самого начала представлявшего собой облачение пустот, города, который «никогда не боялся пустоты».

Петр I велел строиться по берегам Невы – и тонкий слой городского тела обвел контуры гигантского водного зеркала. Именно Нева изначально являлась главной площадью и главным проспектом Северной столицы. Вдоль берегов могучей реки постепенно формировалась представительная жилая застройка. На Неву были ориентированы основные ансамбли и высотные акценты, а устройство гранитных набережных упрочило связь архитектуры и водной сти-

хии. «Благодаря этой чудесной реке Санкт-Петербург, как никакая другая столица мира, имеет грандиозный облик», – писал Александр Дюма-отец.

Между юго-западной оконечностью Выборгской стороны и стрелкой Васильевского острова река особенно просторна. Напротив Зимнего дворца берега расступаются почти на километр. Это центральная акватория Невы. С юга к ней обращена Дворцовая набережная, с севера – Петропавловская крепость с золоченым шпилем собора над «одетыми камнем» бастионами и куртинами. Вниз по течению открываются с разных точек башня Адмиралтейства и купол Исаакиевского собора. Строго симметричный ансамбль стрелки Васильевского острова объединяет все звенья грандиозной водной площади. Далекие перспективы расходящихся от нее Большой и Малой Невы обогащают общую картину. С восточной стороны панораму завершало здание госпиталя на Выборгской стороне.

Вся центральная акватория воспринимается как многоликий и разнообразный ансамбль с умело организованными визуальными взаимосвязями, четкими осями и эффектными перспективами. Постройки XX века вжились, хотя и не всегда органично, в этот единственный в своем роде пейзаж. До начала нынешнего столетия судьба оберегала его от вторжения резких диссонансов, современных высотных зданий. К сожалению, в наши дни произошло грубое вмешательство в панорамы Невы. Единственный в своем роде облик главной площади Петербурга исказили многоэтажные здания на Выборгской набережной (жилые комплексы «Аврора» и «Монблан» высотой до 74,5 м) и на Васильевском острове (биржа «Санкт-Петербург» и жилой дом «Финансист» высотой 63 м). По мнению историка архитектуры Б. М. Кирикова, «попытки вторжения современной застройки в панораму Невы более опасны, чем утрата любых отдельно взятых памятников Петербурга».

Еще сто лет назад акватория Невы была весьма оживленной. Ее заполняли многочисленные корабли, лодки, баржи... Зимой, когда на несколько месяцев реку сковывал лед, она становилась продолжением суши. Здесь ездили на санях, устраивали народные гуляния и военные парады, а в конце XIX века даже прокладывали трамвайные пути. Петербуржцы в прошлом постоянно видели свой город с Невы. Сегодня на его главной площади стало значительно меньше жизни. Горожане теперь нечасто воспринимают Северную Венецию с реки, тем более что зимой на ней уже не образуется прочный ледяной покров.

Грандиозный ансамбль центральных площадей на левом берегу Невы формировался в течение целого столетия. В августе 1736 года произошло то, что часто случалось в русских деревянных городах: от случайной искры загорелось сено на дворе, затем – дом, улица. Адмиралтейская часть Петербурга выгорела наполовину. В июне 1737 года случился новый пожар и уничтожил все уцелевшие от прежней катастрофы постройки в этом районе. В огне погибло около тысячи домов.

Два этих пожара расчистили место для регулярной застройки Адмиралтейской части. Ею стала заниматься специальная Комиссия о Санкт-Петербургском строении, учрежденная в 1737 году под председательством Бурхарда Христиана Миниха. Ведущим архитектором Комиссии стал Петр Еропкин – блестящий градостроитель и теоретик зодчества.

Деятельность Комиссии отличалась исключительным размахом. Существовавшая планировка и застройка упорядочивалась на началах регулярности. По проекту Еропкина продлили Гороховую улицу – средний луч из трех перспектив, расходящихся от башни Адмиралтейства. Этот «трезубец» центральных улиц (Гороховая ул., Невский и Вознесенский пр.) обрел более выразительное завершение после того, как архитектор Иван Коробов закончил в 1738 году перестройку петровского Адмиралтейства и возвел его новую башню со шпилем высотой 72 метра. Незастроенное пространство гласиса Адмиралтейской крепости получило строгую планировку и превратилось в озелененный луг.

На берегу Невы к западу от Адмиралтейства сохранялась площадь с Исаакиевской церковью, а за ней, у нынешнего Синего моста через Мойку, намечалась новая площадь. Проект

содержал предпосылку развития этих двух площадей (Сенатской и Исаакиевской), что в дальнейшем и осуществилось. Строительство к востоку от Адмиралтейства Зимнего дворца императрицы Анны Иоанновны закрепляло центральное положение левобережной части города.

Дальнейшее развитие Петербурга приобрело в основном южную ориентацию. Оторванность Васильевского острова от материковой территории из-за отсутствия постоянных мостов через Большую Неву подорвала петровский замысел устройства здесь городского центра. Основной территорией столицы Комиссия определила Адмиралтейскую, Литейную и Московскую части, удобно связанные внешними дорогами со страной.

В 1754 году Франческо Растрелли начинает возведение Зимнего дворца для императрицы Елизаветы Петровны, не дожившей до его завершения. Этот грандиозный дворец на берегу Невы должен был доминировать в центре Петербурга, символизируя величие Российской империи. Своими огромными размерами, богатством и разнообразием архитектурных форм и скульптурного убранства он превосходит все петербургские дворцы. Главная императорская резиденция – апофеоз елизаветинского барокко. Зимний предопределил композиционный строй ансамбля будущей Дворцовой площади. А высота дворца (23,5 м) до начала XX века служила пределом, выше которого нельзя было строить никаких зданий, кроме церквей. Этот лимит во многом определил единую горизонталь петербургского силуэта, его «небесную линию».

Первоначально Зимний дворец был рассчитан на круговой обзор, и только позже здание Малого Эрмитажа закрыло его восточный фасад. Перед южным фасадом дворца Растрелли спроектировал замкнутую площадь, окружив ее колоннадой так, как это сделал Бернини перед главным фасадом собора Святого Петра в Риме. В центре площади зодчий хотел установить конную статую Петра Великого работы своего отца – Бартоломео Растрелли. Но эта часть проекта осталась на бумаге. Франческо Растрелли не успел окончить и отделку интерьеров Зимнего дворца: императрица Екатерина II отправила его в отставку.

В 1760-х годах под руководством архитектора Алексея Квасова был разработан новый план столицы. Центр города окончательно утверждался на левом берегу Невы. На обширном Адмиралтейском лугу Квасов наметил контур главных площадей Петербурга, в том числе дуговой абрис Дворцовой площади. Долгое время этот генеральный план сохранял значение опорного. Закрепленный им планировочный каркас постепенно наполнялся великолепными зданиями и монументами.

Ядром нового грандиозного ансамбля площадей послужило Главное Адмиралтейство, кардинально перестроенное Андрияном Захаровым в мощных торжественных формах классицизма. Окружавшие его земляные укрепления в начале XIX века были срыты, а на освободившемся месте образована целостная система слитых друг с другом площадей. Поражает их пространственный размах: общая протяженность Дворцовой, Адмиралтейской и Сенатской площадей (от здания Штаба гвардейского корпуса до Конногвардейского манежа) достигала 1100 метров, а глубина Сенатской и Исаакиевской (от набережной Большой Невы до Мариинского дворца) – 800. Кажется, что сама Нева приучила петербургских градостроителей к такому простору. Вот впечатление иностранного путешественника, впервые попавшего в Петербург в середине 1830-х годов: «Здесь все гигантское. <...> Сама необозримость свободных пространств создает впечатление, что дома вокруг низковаты, а с другой стороны, их действительно небольшая высота только подчеркивает широту пространства между ними».

Именно здесь окончательно закрепился не только общегородской, но и общероссийский административный центр империи Романовых. Решающий вклад в завершение ансамбля главных площадей столицы в первой половине XIX века внесли Карло Росси и Огюст Рикар де Монферран. К царскому Зимнему дворцу и высшим военно-морским учреждениям, размещенным в Адмиралтействе, добавились здания Главного штаба и министерств, Сената и Синода. Дворцовая площадь превратилась в грандиозный петербургский форум, что под-

черкивалось триумфальной аркой Главного штаба и установленной в центре Александровской колонной. Значение кафедрального храма империи получил новый Исаакиевский собор – самая мощная доминанта левобережья. Одно из величайших купольных сооружений Европы создавалось с 1816 года в течение сорока лет.

Особая «державная» мифология, сложная имперская символика составляют важную грань «души Петербурга». Трудно переоценить их роль в формировании образа города, его архитектурных ландшафтов.

В Петербурге XVIII – начала XX века военная культура наполняла и оформляла собой почти все проявления городской жизни, в значительной мере определяла планировочную структуру столицы, ее колорит, жизненный ритм площадей и улиц. Военных здесь было много, в некоторые периоды они составляли до четверти всего столичного населения. В Петербурге находились Военное министерство, Главные штабы вооруженных сил, множество военно-учебных заведений, квартировали пехотные и кавалерийские полки лейб-гвардии, гвардейские Морской экипаж и артиллерийские бригады. Архитектура казарм и полковых храмов, манежи и гауптвахты, триумфальные арки, обелиски и колонны в память о ратных подвигах, монументы в честь полководцев, постоянные перемещения войск, их красочный внешний вид и характерный «военный шум» – все это накладывало на облик Петербурга яркий отпечаток.

Одним из самых восторженных певцов «военной столицы» был А. С. Пушкин:

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.

Словно иллюстрациями к этим строкам «Медного всадника» выглядят многие живописные и графические виды пушкинского Петербурга.

С петровских времен в городе устраивались массовые военные церемонии – парады и смотры. Они проводились часто, были многочисленными и разнообразными. Главной частью военного парада является торжественное прохождение войск, а смотра – построение и объезд (обход) строя монархом или иным высшим военачальником. В царствование Павла I широкое распространение получили вахтпарады – ежедневные разводы караулов. Регулярными были парады в дни именин и восшествия на престол императоров, Новогодний парад, Крещенский парад на льду Невы. После Отечественной войны 1812 года число парадов и смотров неуклонно возрастало, ими отмечались победы и годовщины побед в войнах и сражениях, возвращение войск с полей сражений, дни полковых праздников, окончания лагерных сборов гвардии, выпусков из военно-учебных заведений.

Местами проведения парадов и смотров служили преимущественно Дворцовая площадь и Марсово поле, а также обширные полковые плацы (плац-парады) в местах расквартирования гвардейских полков.

Столичные парады, поражавшие своими масштабами и блеском, были любимым зрелищем петербуржцев. Неудивительно, что на картине Г. Г. Чернецова «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года» представлена портретная галерея всего столичного общества того времени. Среди 223 человек, изображенных художником, в толпе зрителей фантастического спектакля на Марсовом поле можно рассмотреть литераторов Ивана Крылова, Василия Жуковского, Николая Гнедича и Александра Пушкина.

«Пехотных ратей и коней однообразная красивость» вызывала восхищение у многих пушкинских современников. Один из них писал: «Кто станет отрицать, что военные эволюции, как ни механистическими нашей гражданской философии кажутся, пленительны; что это многолюдство, составляющее правильные фигуры, движущиеся и переменяющиеся одна в другую по одному мановению как бы волшебным образом, что эта приятная и блестящая пестрота среди единообразия занимает взор необыкновенно, как звук музыки и гром пушек – слух».

Среди петербургских парадов особое место занимал ежегодный майский парад на Марсовом поле. Этим «апофеозом военного великолепия» заканчивался зимний сезон столичной зимней жизни, который открывался осенью балом в Морском кадетском корпусе. В грандиозном параде, имевшем строгую, детально проработанную последовательность, участвовали все войска петербургского гарнизона. Свидетельствует непосредственный участник майских парадов в начале XX столетия генерал А. А. Игнатьев: «Постепенно кавалерийские полки выстраивались в резервные колонны, занимая всю длину Марсова поля, противоположную Летнему саду. Перед этой конной массой выезжал на середину поля сам генерал-инспектор кавалерии [великий князь] Николай Николаевич. Он высоко подымал шашку в воздух. Все на мгновение стихало. Мы, с поднятыми палашами, не спускали глаз с этой шашки. Команды не было; шашка опускалась, и по этому знаку земля начинала дрожать под копытами пятитысячной конной массы, мчавшейся к Летнему саду. Эта лавина останавливалась в десяти шагах от царя».

Помимо традиционных военных церемоний внимание петербуржцев время от времени привлекалось различными в них нововведениями. Так, в начале 70-х годов XIX века были введены так называемые «тревоги» с целью поддерживать в войсках постоянную боевую готовность. «Мирным жителям Петербурга, – пишет очевидец „тревоги“ 20 декабря 1872 года, – было сначала невдогад: что бы значило неожиданное стремление кавалерии по улицам, грохот ехавших пушек, неспешное движение пехоты? Чем ближе к сборному пункту, тем оживленнее, красивее становилась военная картина, и особенно эффектно было видеть дебуширование войск на Дворцовую площадь, с трех сторон ее: из-под арки [Главного штаба], от Марсова поля и со стороны Исаакиевского собора».

Наряду с военными церемониями, на петербургских площадях проходили народные гулянья во время Масляной и Пасхальной недель. Праздники «на балаганах», в которых ярко проявлялась традиция народного театрального искусства, привлекала горожан обилием зрелищ и развлечений, атмосферой непринужденного веселья. Городские площади – Театральная, Сенатская, Дворцовая, Адмиралтейская, Царицын луг (Марсово поле), Семеновский плац – были местами проведения праздничного досуга всех слоев столичного населения.

«Масленица во всей Европе есть время торжества забав, – писал П. П. Свиньин, – а для русских главнейшее удовольствие составляют ледяные горы». Каталных гор всегда было две, их высота достигала 18 метров. Они сооружались параллельно друг другу, но в разных направлениях – скатами навстречу. В последней четверти XVIII века деревянные катальные горы стали возводить не только на Масленицу, но и на Пасхальных гуляниях. С этих «летних» гор спускались на специальных маленьких колясках. Возле катальных гор и разнообразных качелей располагались временные строения, получившие с 1820-х годов название балаганов. Здесь выступали фокусники, кукольники, вольтижеры и комедианты.

Светская публика и состоятельные горожане выезжали на гулянья, чтобы продемонстрировать новые экипажи и последние моды, а также посмотреть на забавы простого народа, который, в свою очередь, с любопытством взирал на барские кареты и наряды. Праздничная площадь превращалась в своеобразную театральную сцену, а участники гулянья были одновременно и зрителями, и действующими лицами.

С 1827 года гулянья «на горах» и «под качелями» постоянно устраивались на Адмиралтейской площади. Дважды в год здесь возникал увеселительный городок, растянувшийся на полверсты – от Дворцовой до Исаакиевской площади, с двумя линиями многочисленных

построек. Первую линию занимали большие балаганы, обращенные фасадами в сторону Невского проспекта. Вдоль Адмиралтейства тянулись две катальные горы. Всего на площади в самом центре Петербурга возводилось до шестнадцати балаганов. «Никогда не бывало такого количества комедий или балаганов, заключавших большое разнообразие в представлениях, – говорилось в обозрении Пасхального гулянья 1827 года. – Кроме двух летних гор, разного рода каруселей и качелей – парижских, маховых, круглых и т. п., было 14 сараев, выстроенных вдоль Адмиралтейского бульвара, кои с пестрыми флагами своими и разноцветными вывесками походили на какой-то китайский или японский городок. <...> Экипажи ездили в три или четыре ряда мимо качелей». К середине XIX века на Адмиралтейской площади появляются карусели в виде пароходов и паровозов, ударные силомеры, «механические музеи» с автоматами и даже «американские круговые велосипеды».

В первый майский день Пасхальной недели 1836 года случилась самая большая трагедия в истории петербургских гуляний – во время представления загорелся огромный балаган Христиана Лемана, в пожаре погибло 127 зрителей. 18 апреля 1872 года сгорели балаганные театры Вильгельма Берга и В. М. Малафеева. После этого пожара гулянья перенесли с Адмиралтейской площади на Марсово поле.

Вспоминает сын владельца балаганных театров А. В. Лейферт: «На Марсово поле шел народ, привлекаемый пестротой и яркостью всей обстановки, создававшейся на это время на громадной площади оглушительным хаосом разнообразных звуков, бесчисленностью всяких развлечений и забав и, наконец, исключительным, повышенным темпом всех впечатлений и действий. Всякий, кто попадал на Марсово поле в эти дни, чувствовал себя в совершенно иных, непривычных условиях, приобщался к общему веселью и испытывал самое удовлетворенное благодушное настроение». В 1890-х годах на гуляньях появляется карусель в виде парусных лодок, которые, кружась, покачивались, как на волне; «летние» катальные горы превращаются во внушительное сооружение, получившее название «американских гор»; перекидные качели обретают очертания паркового «колеса обозрения». Во второй половине 1890-х годов гулянья перенесли с Марсова поля на Семеновский плац, но эти традиционные народные праздники проходили здесь недолго, 1899 год оказался последним в истории петербургских гуляний «на балаганах».

Площадям Северной столицы было суждено стать аренами не только военных парадов и народных гуляний, но и восстаний. «Петербургские революции совершались на площадях; декабрьская 1825 года и февральская 1917 года произошли на двух площадях. И в декабре 1825 года, и в октябре 1917 года Нева участвовала в восстаниях: в декабре восставшие бежали по льду, в октябре крейсер „Аврора“ с Невы грозил дворцу. Для Петербурга естественен союз реки с площадями, всякая же война внутри его неминуемо должна обращаться в войну площадей». Тынянов мог бы вспомнить и другие страницы хроники Петербурга: возмущение Семеновского полка в октябре 1820 года, Холерный бунт на Сенной площади в феврале 1831 года, Кровавое воскресенье 9 января 1905-го, ставшее прологом Первой российской революции... Не будет преувеличением сказать, что на площадях Петербурга – Петрограда вершилась история России.

В заключение надо отметить, что со второй половины XIX столетия градостроительство Петербурга утратило былой размах и ансамблевую направленность. Появились лишь немногие новые планировочные узлы: Благовещенская площадь у Невы (ныне – пл. Труда), Знаменская площадь перед Николаевским вокзалом (ныне – пл. Восстания). Перефразируя Тынянова, скажем, что Петербург как бы «испугался пустоты». Развернулась борьба с «бесполезными» городскими пространствами. Простор старых площадей стал казаться чрезмерным, подавляющим человека. На них устраивались сады, парки, скверы. Зелень расчленила или частично поглотила пространства многих площадей (например, на месте Адмиралтейской площади в

1872–1874 годах разбили Александровский сад), изменила восприятие архитектурных ландшафтов Северной Пальмиры.

Послереволюционная разруха затормозила развитие города, потерявшего в 1918 году статус столицы и переименованного в 1924 году в Ленинград. В первые советские годы градостроительным проектированием руководили архитекторы Иван Фомин и Лев Ильин – приверженцы старого Петербурга, опиравшиеся на традиции классицизма. В 1917 году в центре Марсова поля были похоронены жертвы Февральской революции, а в 1920-м вокруг братских могил (мемориал «Борцам революции») разбили грандиозный партерный сквер.

В середине 1930-х годов разработали генеральный план развития «социалистического Ленинграда». Город должен был расти в южном направлении, на удаленных от Невы, не затопляемых наводнениями территориях. Стержнем нового Ленинграда, главной парадной магистралью становился Международный (с 1956 г. – Московский) проспект. На его пересечении с дуговой магистралью намечался общегородской центр с монументальным Домом Советов (1936–1941 гг., арх. Н. А. Троцкий) и гигантской площадью перед ним, которая предназначалась для парадов, митингов и демонстраций. Московская площадь с памятником В. И. Ленину в центре (1970 г., ск. М. К. Аникушин, арх. В. А. Каменский) и по сей день остается самой большой в городе (13 га). Активное строительство новых районов было прервано Великой Отечественной войной, а в послевоенные годы нежизненная идея переноса центра Ленинграда на южную окраину была отвергнута.

В историческом центре получила архитектурное завершение старейшая Троицкая площадь на Петроградской стороне, была создана также открытая к Неве площадь Ленина перед новым зданием Финляндского вокзала, построенным в 1955–1960 годах. В конце Московского проспекта в 1970-х годах сформировался ансамбль площади Победы. Это парадные южные ворота Петербурга. Идейное ядро ансамбля – Монумент героическим защитникам Ленинграда в годы блокады 1941–1944 годов.

В современном Петербурге насчитывается более 60 самых разнообразных площадей. Без этих открытых пространств, заключенных в архитектурные рамы различных эпох и стилей, без площадей, на которые время от времени выплескиваются волны городской жизни, Петербург не представим.

Литература

- Аранович А. В.* Из истории военного Петербурга. СПб., 2001.
- Бузинов В. М.* Дворцовая площадь. Неформальный путеводитель. СПб., 2001.
- Гордин А. М., Гордин Я. А.* Площадь Декабристов. Л., 1966.
- Канн П. Я.* Площадь Труда. Л., 1981.
- Кириков Б. М.* «Акватория Петра Великого» – главная площадь Петербурга // Пространство Санкт-Петербурга. Памятники культурного наследия и современная городская среда: материалы научно-практической конф. Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2002 г. СПб., 2003. С. 124–130.
- Кириков Б. М., Марголис А. Д.* Пионерская площадь. Л., 1983.
- Марголис А. Д.* Санкт-Петербург: История. Архитектура. Искусство. 2-е изд. М., 2010. С. 192–245.
- Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища, конец XVIII – начало XX вв. 2-е изд., доп. Л., 1988.
- Николаева Т. И.* Театральная площадь. Л., 1984.
- Петербургские балаганы / Сост. А. М. Конечный. СПб., 2000.
- Санкт-Петербург. Планы и карты. СПб., 2004.
- Санкт-Петербург: Энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2006.
- Угрюмов А. И.* Военная топография старого Петербурга: Строевые части гвардии и армии. СПб., 2009.
- Тынянов Ю. Н.* Кюхля. Смерть Вазир-Мухтара. Л., 1971. С. 209–211.
- Шварц В. С.* Архитектурный ансамбль Марсова поля. Л., 1989.
- Яковченко Р. Н.* Московский проспект. Л., 1986.

Петербургские дворцы и особняки Романовых

В течение трех веков в Москве и Петербурге, а также в различных частях Московского царства и Российской империи было специально построено или приобретено для членов августейшей семьи⁴⁴ свыше сотни различных дворцов и особняков. Больше половины из них (более 60) находились в Петербурге и окрестностях столицы империи (см. Приложение). Для возведения и украшения этих палаццо Северной Венеции приглашали лучших иностранных и отечественных мастеров барокко, классицизма, эклектики, модерна и неоклассицизма. Среди них архитекторы Доменико Трезини, Жан-Батист Леблон, Андреас Шлютер, Никколо Микетти, Иоганн Фридрих Браунштейн, Георг Иоганн Маттарнови, Михаил Земцов, Петр Еропкин, Григорий Дмитриев, Алексей Квасов, Франческо Растрелли, Антонио Ринальди, Юрий Фельтен, Иван Старов, Чарльз Камерон, Джакомо Кваренги, Винченцо Бренна, Карло Росси, Андрей Воронихин, Луиджи Руска, Василий Стасов, Адам Менелас, Александр Брюллов, Андрей Штакеншнейдер, Гаральд Боссе, Христиан Мейер, Роман Кузьмин, Александр Резанов, Ипполит Монигетти, Карл Рахау, Антоний Томишко, Роман Мельцер, Александр Хренов, Карл Шмидт; ваятели – Николя Пино, Бартоломео Растрелли, Иоганн Франц Дункер, Федот Шубин, Михаил Козловский, Агостино Трискорни, Иван Мартос, Василий Демут-Малиновский, Степан Пименов, Александр Терехнев, Давид Иенсен и другие.

⁴⁴ В течение 120 лет, от выхода в 1797 г. «Учреждения об Императорской фамилии» до революции 1917 г., членами царской семьи (кроме императоров и императриц) были 31 великий князь, 43 великие княгини и великие княжны, 27 князей, княжон и княгинь императорской крови. Дворцы предоставлялись детям и внукам императора по достижении ими совершеннолетия. Старший сын, наследник престола, имел резиденцию в одном из императорских дворцов.

Речь идет о ценнейшем комплексе памятников истории и культуры, абсолютное большинство которых числится в наши дни под охраной государства.⁴⁵ Не будет преувеличением сказать, что дворцы Романовых во многом определяют облик Петербурга как одного из красивейших городов мира. Значение резиденций членов царской семьи в общей эволюции зодчества усиливается тем, что они играли роль своего рода эталонов, способствовали распространению новых художественных идей и приемов.

Домик Петра I, срубленный за три дня в мае 1703 года из сосновых бревен, самый ранний и самый скромный из петербургских дворцов.⁴⁶ От него разительно отличается Зимний дворец – главная официальная императорская резиденция, нынешний внешний облик которой в основном сложился к 1762 году.⁴⁷ Здесь было более тысячи покоев, а общая протяженность фасадов по периметру составляет почти два километра.

Наряду с Зимним дворцом гениальный мастер русского барокко Франческо Растрелли перестроил для императрицы Елизаветы Петровны загородные резиденции в Царском Селе и Петергофе, придав им неслыханные роскошь и блеск. Современников поражали масштабы и великолепие царских жилищ. Удивляли не только апартаменты веселой императрицы, но и грандиозные церемонии и празднества, которые устраивались в них.⁴⁸ Отметим, что пригородные резиденции составляли почти половину дворцов Романовых в Петербурге и окрестностях.

На дороге между Петербургом и Москвой было построено 25 путевых дворцов, в среднем через 20–30 верст. До наших дней дошел в перестроенном виде Чесменский императорский путевой дворец. Эта романтическая резиденция в ложногоготическом стиле построена в середине 1770-х годов по проекту Юрия Фельтена.⁴⁹

В царствование Екатерины II, которая предпочитала чувственной пышности барокко строгость и рациональность классицизма, Петербург украсился такими шедеврами этого стиля, как Мраморный и Таврический дворцы.⁵⁰ Хотя строились они для фаворитов императрицы – Григория Орлова и Григория Потемкина соответственно, – с течением времени Екатерина выкупила их в казну. Таврический дворец стал любимой осенней резиденцией императрицы в последние годы жизни, а Мраморный был пожалован ею великому князю Константину Павловичу. Здесь уместно отметить, что свыше 20 % от общего количества дворцов Романовых были приобретены для императорской семьи у других владельцев.

Короткая эпоха Павла I дала Петербургу романтический Михайловский замок, где император был убит заговорщиками в ночь с 11 на 12 марта 1801 года.⁵¹ В дворцовый комплекс, который занимает особое место в истории русского зодчества, входили конюшни, манеж и павильоны, размещенные вдоль аллеи, проложенной от Невского проспекта. На площади перед южным фасадом установили монумент Петру Великому работы Бартоломео Растрелли. Эта гигантская архитектурная декорация ассоциировалась у Павла Петровича с воспоминаниями о любимом им замке Шантийи, памятнике французского ренессанса.

Особой торжественности и монументальной мощи зодчество Северной Пальмиры достигло при Александре I. Одна из лучших ампирных построек – Михайловский дворец, сооруженный Карло Росси для великого князя Михаила Павловича. К сожалению, из восхищавших своим великолепием интерьеров великокняжеского дворца уцелели только вестибюль

⁴⁵ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: Справочник. СПб., 2003.

⁴⁶ Зязева Л. К. Домик Петра I: Путеводитель по музею. Л., 1983.

⁴⁷ Зимний дворец: Очерки жизни императорской резиденции: В 3 т. СПб., 2000.

⁴⁸ Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.

⁴⁹ Коришнова М. Ф. Юрий Фельтен // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII век. СПб., 1997. С. 498–505; Баторевич Н. И. Чесменский дворец. СПб., 1997.

⁵⁰ Марголис А. Д. Дворцы Санкт-Петербурга. 3-е изд. М., 2010. С. 303–321, 371–387.

⁵¹ Михайловский замок: Страницы биографии памятника в документах и литературе. М., 2003.

с парадной лестницей и Белоколонный зал.⁵² Гораздо лучше представлено изысканное убранство Елагиноостровского дворца, перестроенного и заново отделанного Карло Росси для вдовы Павла I императрицы Марии Федоровны на одном из Невских островов.⁵³

При Николае I архитекторы зарождавшейся эклектики свободно заимствовали формы древнегреческих и древнеримских построек, готических замков, ренессансных палаццо или версальских дворцов. Даже на одном фасаде нередко соединялись произвольно воспроизведенные элементы разных стилей прошлого. Наиболее востребованный Романовыми в середине XIX века архитектор Андрей Штакеншнейдер строит на Исаакиевской площади Мариинский дворец – резиденцию дочери Николая I, великой княгини Марии Николаевны. Оставаясь в русле классицизма, зодчий внес в убранство дворца элементы, характерные для итальянского и французского возрождения. Еще более откровенно мотивы итальянской архитектуры XVI века Штакеншнейдер использовал при строительстве великокняжеского Николаевского дворца на Благовещенской площади (ныне – пл. Труда).⁵⁴

Во второй половине XIX века монументальные дворцы-усадьбы постепенно сменяются зданиями, которые приобрели «дворцовый» облик только благодаря богатству декора. Одна из характерных построек той эпохи – дворец сына Александра II, великого князя Владимира Александровича.⁵⁵ Здание стоит в сомкнутом ряду жилых домов по Дворцовой набережной, а общая система застройки участка Владимирского дворца схожа с многоквартирными доходными домами.

Начало XX века стало временем заката дворцового строительства. В формах модерна архитектор Роман Мельцер перестроил в 1910–1913 годах дворец для брата Николая II, великого князя Михаила Александровича.⁵⁶ Его довольно сдержанный фасад почти не выделяется из фронта застройки Английской набережной. Любопытно, что первой постройкой в стиле модерн в России считается дача великого князя Бориса Владимировича в Отдельном парке Царского Села, которая датируется 1896–1897 годами.⁵⁷ Накануне Первой мировой войны на краю Троицкой площади, рядом с Домиком Петра I, возвели дворец великого князя Николая Николаевича (Младшего). Здание, построенное по проекту Александра Хренова в стиле неоклассицизма, сразу стало архитектурной доминантой западной части Петровской набережной. Таким образом, несмотря на очевидное сокращение масштабов дворцового строительства, оно продолжало играть заметную роль в эволюции петербургского зодчества рубежа веков.

Еще до революции радикально изменился характер использования многих романовских дворцов. К февралю 1917 года почти треть из них уже не принадлежала императорской семье. В «первоначальном дворце» (Домик Петра I) еще в середине XVIII века устроили часовню Христа Спасителя,⁵⁸ тогда же «дворец Петра II» передали Шляхетскому Сухопутному корпусу, а в 1867 году – Императорскому историко-филологическому институту.⁵⁹ Дворец Петра I в Стрельне стал госпиталем, а Чесменский дворец – богадельней. В Михайловском замке с 1823 года находилось Главное инженерное училище, в Николаевском дворце с конца XIX века – Ксениинский женский институт. В Таврическом дворце с 1906 года размещалась Государственная дума, а в Мариинском дворце заседали Государственный совет и Комитет министров Россий-

⁵² Тарановская М. З. Карл Росси. Л., 1978. С. 95–128.

⁵³ Елагин остров: Императорский дворец: История и архитектура / Сост. Б. Е. Шмидт. СПб., 1999.

⁵⁴ См.: Пушин А. Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990.

⁵⁵ См.: Корнева Г. Н., Петрицкий В. А., Чебоксарова Т. Н. Санкт-Петербургский дворец великого князя Владимира Александровича (Дом ученых РАН): Путеводитель. СПб., 2001.

⁵⁶ Соловьева Т. А. Английская набережная. СПб., 2004. С. 228–235.

⁵⁷ Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна: Особняки и доходные дома. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2006. С. 15–25; Марголис А. Д. Царскосельский коттедж: Дача великого князя Бориса Владимировича. СПб., 2009.

⁵⁸ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010. С. 71–72.

⁵⁹ Ендольцев Ю. А. «Дворец Петра II»: (Университетская наб., 11): События и люди. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2002.

ской империи. В Среднерогатском путевом дворце устроили трактир, а затем – фабрику типографской краски и чернил. Частным владельцам проданы Малый Мраморный, Алексеевский, Мало-Михайловский и Сергиевский великокняжеские дворцы. Важно отметить, что некоторые дворцы по инициативе Романовых были превращены в мемориальные и художественные музеи. Своеобразный мемориальный Музей Петра I устроен в петергофском дворце Марли уже в середине XVIII века. Крупнейшим хранилищем произведений отечественного изобразительного искусства стал Русский музей Александра III, разместившийся в Михайловском дворце в конце 1890-х годов.

Минувшее столетие оказалось нелегким временем для Петербурга и его культурного наследия. После революции дворцы и особняки Романовых подвергались разграблению, многие из них были заняты различными советскими учреждениями и утратили значительную часть своего убранства. Еще более тяжкими оказались для них годы Великой Отечественной войны. В результате артиллерийских обстрелов и бомбардировок серьезные повреждения получили Зимний дворец и здания Эрмитажа, Михайловский, Владимирский и Таврический дворцы, Михайловский замок, сгорел Елагин дворец. Превращены в обуглившиеся руины Павловский дворец, Екатерининский дворец в Царском Селе, Большой и Английский дворцы в Петергофе.

Сразу после освобождения города от вражеской блокады началась растянувшаяся на десятилетия кропотливая работа по воссозданию разрушенных дворцовых ансамблей, изумившая весь мир.⁶⁰ Памятники, казавшиеся безвозвратно погибшими в огне войны, вернула к жизни самоотверженная деятельность ленинградских реставраторов, среди которых И. Н. Бенуа, А. Э. Гессен, Е. В. Казанская, И. Г. Капцюг, А. А. Кедринский, Ф. Ф. Олейник, М. М. Плотников, С. В. Попова-Гунич, В. М. Савков, Н. М. Уствольская и многие другие. Они с полным правом могут считаться соавторами великих мастеров прошлого.

В наши дни более трети сохранившихся романовских дворцов в Петербурге и окрестностях являются популярными музеями.⁶¹

В заключение следует напомнить о памятниках, до сих пор находящихся под угрозой. Это прежде всего Ропшинский дворец, расположенный на территории Ломоносовского района Ленинградской области. Знаменит как место убийства Петра III в 1762 году. Был отреставрирован во второй половине 1980-х годов. Серьезно пострадал от пожара в 1990 году, но реставрационные работы все еще не начались.⁶² До сих пор не восстановлен царскосельский Баболовский дворец, построенный в 1783–1785 годах в «готическом вкусе» по проекту архитектора И. В. Неелова и поврежденный во время войны. В 2001 году включен в перечень выявленных объектов культурного наследия дворец Александра I в Красном Селе, возведенный в 1820 году и частично перестроенный в начале XX века. Поврежден в период блокады Ленинграда, восстановительные работы так и не начались. С Нижней дачей Николая II в Петергофе связано немало исторических событий начала XX века. Во время войны дворец был поврежден, а в 1961 году разрушен.

Определенный оптимизм внушает тот факт, что Ропшинский дворец и руины Нижней дачи входят сейчас в состав Музея-заповедника «Петергоф», а Баболовский дворец вместе с парком может быть передан Музею-заповеднику «Царское Село» для последующей реставрации и музеефикации.

⁶⁰ Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. 2-е изд. Л., 1989; *Кормильцева О. М.* Послевоенное восстановление памятников Ленинграда // *Охрана памятников Санкт-Петербурга*. СПб., 2008. С. 89–119.

⁶¹ См.: *Марголис А. Д.* Музеи Петербурга и области: Справочник-путеводитель. СПб., 2009.

⁶² *Мильчик М. И.* Ропшинский дворец – забытый памятник архитектуры XVIII в. // *Невский архив: Историко-краеведческий сб.* III. СПб., 1997. С. 305–323.

Приложение

Императорские и великокняжеские резиденции в Петербурге и его окрестностях

1. Домик Петра I. Петровская наб., 6 (24–26 мая 1703 г.).
2. Дворец Петра I в Стрельне. Большая горка, 2 (1704–1706 гг.; перестройки: 1749–1750 гг., арх. Ф. Растрелли, С. А. Волков; 1837–1839 гг., арх. Х. Ф. Мейер).
3. Зимний дворец Петра I. Дворцовая наб., 32/2 (1707–1726 гг., арх. Г. И. Маттарнови, Д. Трезини; перестройка: 1783–1787 гг., арх. Дж. Кваренги).
4. Летний дворец Петра I. Летний сад (1710–1714 гг., арх. Д. Трезини).
5. Большой дворец в Петергофе. Разводная ул., 2 (1710–1716 гг.; 1716–1725 гг., арх. Ж.-Б. Леблон, Н. Микетти, И.-Ф. Браунштейн, ск. Н. Пино; перестройка: 1745–1755 гг., арх. Ф. Растрелли). 6. Екатерингофский дворец. Парк «Екатерингоф» (1711 г., арх. неизвестен; в 1924 г. пострадал от пожара и был разобран на дрова).
7. Дворец Монплеизр в Петергофе. Нижний парк (1714–1723 гг., арх. И. Ф. Браунштейн, Ж.-Б. Леблон, Н. Микетти, ск. Б. Растрелли).
8. Дворец Марли в Петергофе. Нижний парк (1720–1723 гг., арх. И. Ф. Браунштейн, ск. Н. Пино; 1898–1899 гг., разобран и восстановлен, арх. А. И. Семенов).
9. Екатерининский (Большой) дворец в Царском Селе. Садовая ул., 7 (1717–1723 гг., арх. И. Ф. Браунштейн; перестройки: 1743–1751 гг., арх. А. В. Квасов, С. И. Чевакинский; 1752–1756 гг., арх. Ф. Растрелли, ск. И. Ф. Дункер; 1778–1784 гг., Zubовский корпус, арх. Ю. М. Фельтен; 1779–1784 гг., Церковный корпус, арх. И. В. Неелов).
10. Стрельнинский (Константиновский) дворец. Березовая аллея, 3 (1720–1730 гг., арх. Н. Микетти, Г. Киавери, М. Г. Земцов, Т. Н. Усов, П. М. Еропкин; перестройки: 1747–1755 гг., арх. Ф. Растрелли; 1800–1805 гг., арх. А. Н. Воронихин, Л. Руска, Г. П. Пильников; 1847–1851 гг., арх. Х. Ф. Мейер, А. И. Штакеншнейдер).
11. Дворец Петра II. Университетская наб., 11 (1727 г.; 1759–1761 гг.; перестройка: 1867–1870 гг., арх. В. И. Собольчиков, Р. Б. Бернгард).
12. Большой дворец в Ораниенбауме. Верхний парк, 1 (1711–1727 гг., арх. И.-Ф. Браунштейн, Г. И. Шедель; перестройки: 1737–1740 гг., арх. М. Г. Земцов, П. М. Еропкин, И. К. Коробов; 1748–1755 гг., арх. Ф. Растрелли; 1765–1770-е гг., арх. А. Ринальди).
13. Аничков дворец. Невский пр., 39 (1741–1754 гг., арх. М. Г. Земцов, Г. Д. Дмитриев, Ф. Растрелли; перестройки: 1778–1779 гг., арх. И. Е. Старов; 1809–1810 гг., арх. Л. Руска; 1817–1818 гг., арх. К. И. Росси; 1874–1876 гг., арх. И. А. Монигетти, К. К. Рахау, 1936–1937 гг., арх. А. И. Гегелло, Д. Л. Кричевский).
14. Ропшинский дворец. Ломоносовский р-н Ленинградской обл., пос. Ропша (1725 г., арх. П. М. Еропкин; перестройки: 1750–1756 гг., арх. Ф. Растрелли; 1785–1800 гг., арх. С. П. Берников, А. Порто, Е. Т. Соколов, Ю. М. Фельтен, инж. Г. И. Энгельман; 1938–1940 гг.).
15. Зимний дворец. Дворцовая наб., 38 (1754–1762 гг., арх. Ф. Растрелли, ск. И. Ф. Дункер; 1838–1839 гг., восстановлен после пожара, арх. В. П. Стасов, А. П. Брюллов).
16. Среднерогатский путевой дворец. Пл. Победы (1751–1753 гг., арх. Ф. Растрелли; 1971 г., разобран при строительстве Монумена героическим защитникам Ленинграда).
17. Дворец Петра III в Ораниенбауме. Верхний парк (1758–1762 гг., арх. А. Ринальди).
18. Китайский дворец в Ораниенбауме. Верхний парк (1762–1768 гг., арх. А. Ринальди; перестройка: 1852–1853 гг., арх. А. И. Штакеншнейдер, Л. Л. Бонштедт).
19. Чесменский путевой дворец. Ул. Гастелло, 15 (1774–1777 гг., арх. Ю. М. Фельтен; перестройка: 1832–1834 гг., арх. А. Е. Штауберт).

20. Каменноостровский дворец. Наб. Малой Невки, 1 (1776–1780 гг., строитель-арх. Ю. М. Фельтен; перестройки: 1810–1811 гг., арх. Л. Руска, 1827–1829 гг., арх. З. Ф. Дильдин).
21. Гатчинский дворец. Красноармейский пр., 1 (1766–1781 гг., арх. А. Ринальди; перестройки: 1792–1797 гг., арх. В. Бренна; 1845–1856 гг., арх. Р. И. Кузьмин).
22. Мраморный дворец. Миллионная ул., 5 (1768–1785 гг., арх. А. Ринальди, ск. Ф. И. Шубин; перестройки: 1843–1849 гг., арх. А. П. Брюллов; 1889 г., арх. А. К. Джигоргули).
23. Баболовский дворец в Царском Селе. Парковая ул. (1783–1785 гг., арх. И. В. Неелов; перестройка: 1824–1825 гг., арх. В. П. Стасов).
24. Павловский дворец. Ул. Революции, 20 (1782–1786 гг., арх. Ч. Камерон; перестройка: 1786–1799 гг., арх. В. Бренна).
25. Таврический дворец. Шпалерная ул., 47 (1783–1789 гг., арх. И. Е. Старов; перестройки: 1905–1906 гг., арх. А. Р. Бах, П. И. Шестов; 1910 г., арх. А. А. Бруни).
26. Английский дворец в Петергофе. Английский парк (1781–1796 гг., арх. Дж. Кваренги; разрушен в 1942 г.).
27. Александровский дворец в Царском Селе. Дворцовая ул., 2 (1792–1796 гг., арх. Дж. Кваренги).
28. Приоратский дворец в Гатчине. Приоратский парк (1797–1799 гг., арх. Н. А. Львов).
29. Михайловский (Инженерный) замок. Садовая ул., 2 (1797–1800 гг., арх. В. Бренна, ск. М. П. Александров-Уважный, Ф. Квадри, П.-Д. и Л. Стаджи, Ф. Тибо, А. Трискорни).
30. Владимирский (Запасной) дворец в Царском Селе. Садовая ул., 22 (1817–1818 гг., арх. В. П. Стасов).
31. Елагин дворец. Елагин остров, 4 (1818–1822 гг., арх. К. И. Росси, ск. С. С. Пименов, В. И. Демут-Малиновский).
32. Дворец Александра I в Красном Селе. Железнодорожная ул., 5 (1820 г., арх. неизв.).
33. Михайловский дворец. Инженерная ул., 4 (1819–1825 гг., арх. К. И. Росси, ск. С. С. Пименов, В. И. Демут-Малиновский; перестройка: 1895–1897 гг., арх. В. Ф. Свиньин).
34. Дворец вел. князя Михаила Павловича в Красном Селе. Пр. Ленина, 114 (1827–1828 гг., арх. З. Ф. Дильдин).
35. Императорский Коттедж в Петергофе. Парк «Александрия», 7 (1826–1829 гг., арх. А. А. Менелас).
36. Фермерский дворец в Петергофе. Парк «Александрия», 19 (1828–1830 гг., арх. А. А. Менелас; перестройка: 1838–1859 гг., арх. А. И. Штакеншнейдер).
37. Дворец вел. княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского в Сергиевке. Ораниен баумское шоссе, 2 (1839–1842 гг., арх. А. И. Штакеншнейдер).
38. Мариинский дворец. Исаакиевская пл., 6 (1839–1844 гг., арх. А. И. Штакеншнейдер; перестройка: 1907–1908 гг., арх. Л. Н. Бенуа).
39. Собственная дача в Петергофе. Собственный пр., 84 (1727–1729 гг.; перестройка: 1844–1850 гг., арх. А. И. Штакеншнейдер).
40. Сергиевский (Белосельских-Белозерских) дворец. Невский пр., 41 (1847–1848 гг., арх. А. И. Штакеншнейдер, ск. Д. И. Иенсен).
41. Дворец Бельведер в Петергофе. Бабигонский холм в Луговом парке (1852–1856 гг., арх. А. И. Штакеншнейдер, ск. А. И. Тербенев).
42. Лисинский охотничий дворец. Тосненский р-н Ленинградской обл., пос. Лисино-Корпус (1853–1861 гг., арх. Н. Л. Бенуа).
43. Дворец вел. князя Николая Николаевича (старшего) в Знаменке. Санкт-Петербургское шоссе, 115 (1836 г., арх. А. И. Штакеншнейдер; перестройка: 1857–1859 гг., арх. Г. Э. Боссе).
44. Николаевский дворец. Пл. Труда, 4 (1853–1861 гг., арх. А. И. Штакеншнейдер).

45. Ново-Михайловский дворец. Дворцовая наб., 18 (1857–1861 гг., арх. А. И. Штакеншнейдер, ск. Д. И. Иенсен).
46. Дворец вел. князя Михаила Николаевича в Михайловке. Санкт-Петербургское шоссе, 109 (1858–1861 гг., арх. Г. Э. Боссе, ск. Д. И. Иенсен).
47. Малый Мраморный дворец. Гагаринская ул., 3 (1857–1862 гг., арх. Э. А. Шмидт).
48. Владимирский дворец. Дворцовая наб., 26 (1867–1872 гг., арх. А. И. Резанов, ск. Н. И. Адт, П. И. Шварц).
49. Дворец вел. князя Алексея Александровича. Наб. р. Мойки, 122 (1882–1885 гг., арх. М. Е. Месмахер).
50. Дворец вел. князя Михаила Михайловича. Адмиралтейская наб., 8 (1885–1888 гг., арх. М. Е. Месмахер).
51. Дворец вел. князя Павла Александровича. Английская наб., 68 (1859–1863 гг., арх. А. И. Кракау; перестройка: 1888–1892 гг., арх. М. Е. Месмахер).
52. Дворец вел. князя Александра Михайловича. Наб. р. Мойки, 106 (1856–1857 гг., арх. И. А. Монигетти; перестройка: 1895 г., арх. Н. И. Султанов, Н. И. Рошефор).
53. Нижняя дача (Новый дворец) в Петергофе. Парк «Александрия» (1883–1895 гг., арх. А. И. Томишко; разрушен в 1961 г.).
54. Дача вел. князя Бориса Владимировича в Царском Селе. Московское шоссе, 11 (1896–1897 гг., арх. Шенборн, Скотт; 1899 г., запасной дом, арх. А. И. фон Гоген).
55. Дворец вел. князя Андрея Владимировича. Английская наб., 28 (1889–1890-е гг., арх. А. Ф. Красовский).
56. Дворец вел. князя Николая Николаевича (Младшего). Петровская наб., 2 (1909–1910 гг., арх. А. С. Хренов).
57. Дворец вел. княгини Ольги Александровны. Ул. Чайковского, 46–48 (1837 г., арх. Е. И. Диммерт; перестройки: 1858–1861 гг., арх. Г. А. Боссе; 1910 г., арх. М. Х. Дубинский).
58. Дворец вел. князя Михаила Александровича. Английская наб., 54 (1870–1873 гг., арх. К. К. Рахау; перестройка: 1910–1913 гг., арх. Р. Ф. Мельцер).
59. Дворец вел. князя Кирилла Владимировича. Ул. Глинки, 13 (1873 г., арх. К. Я. Соколов; перестройки: 1904 г., арх. В. П. Апышков, Г. Г. Кривошеин; 1910-е, арх. Н. И. Алексеев).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.